

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ФЛАКОН
СМЕРТИ
№5

СМЕРТЬ ПАХНЕТ ЛАНДЫШЕМ...

Авантюрная мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Флакон смерти №5

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонтьев А. В.

Флаконт смерти №5 / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2021 — (Авантюрная мелодрама)

ISBN 978-5-04-120705-2

Смерть одного за другим отнимает у Зои любимых людей: ее мать утонула, жених погиб в аварии, отец тяжело заболел и покончил с собой. Жизнь, словно в попытке компенсировать утраты, дарит ей удивительную способность ощущать и узнавать запахи всех человеческих болезней. Уникальный и пугающий дар Зое приходится скрывать, однако не пользоваться им она не может, ведь вовремя поставленный правильный диагноз – это спасенная жизнь. Но пока Зоя вырывает людей из лап смерти, неуловимый маньяк совершает убийства, и только она, девушка с редким чутьем, способна его найти и остановить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120705-2

© Леонтьев А. В., 2021
© Эксмо, 2021

Антон Леонтьев

Флакон смерти № 5

© Леонтьев А. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Есть непрекаемость запаха, что сильнее слов, облика, чувства и воли. Непрекаемость запаха всецело, она вливается в нас подобно воздуху в наши легкие, исполняя нас, заполняя нас всецело, и нет от нее спасения.

Патрик Зюскинд, «Парфюмер»

...Смерть, как выяснилось, пахла ландышами. Причем ландышами увядшими, вчерашними, какими-то прелыми.

Ну, как *будто* на кладбище.

Причем пахло нестерпимо, одуряюще, волнообразно, до немедленной резкой головной боли.

Но об этом она узнала позднее.

Потому что сначала был *несчастный случай*.

...Впрочем, до несчастного случая еще много чего было – тем самым нестерпимо жарким летом. Да и раньше, разухабистой, комарино-жужжащей весной. Нет, в действительности еще намного раньше.

Со смерти мамы?

Вероятно, даже еще раньше. Но какая теперь разница. Да, верно, *никакой*.

С чего же началось?

Да, с *чего*, собственно?

Ну, наверное, с того разговора в кабинете отца, который, как планировала Зоя, должен был стать более чем откровенной, поворотной точкой в ее будущей профессиональной жизни и, кто знает, даже во взаимоотношениях с папой-профессором.

Поэтому-то она, уже все давно осознав и поняв, оттягивала и откладывала этот момент, но вот после крайне удачно сданной второй сессии решила-таки завести этот разговор.

Неизбежный разговор.

– Папа, мне надо с тобой поговорить, – произнесла Зоя, входя в домашний кабинет своего отца, Игоря Борисовича Синицина, заведующего кафедрой детской хирургии местного медицинского университета.

Отец – седой, с резкими морщинами на лбу и мешками под глазами, – работавший за компьютером не самой новой модели, оторвался от дисплея и поверх очков взглянул на дочь. Зоя чувствовала, как сильно бьется ее сердце, однако прилагала все усилия, чтобы голос звучал как можно более буднично и спокойно.

– Или у тебя нет времени? – продолжила она, втайне надеясь, что отец отошлет ее прочь и у нее не будет необходимости вести этот разговор.

Неизбежный разговор.

Однако Игорь Борисович, пристально взирая на нее, ответил:

– Ничего, это может подождать! Что может быть важнее разговора с любимой дочерью. Тем более если она сама об этом просит!

Зое стало ясно: вот, момент наступил, и она наконец сообщит отцу то, что хотела сказать ему все это время, все последние годы.

Что должна была ему сказать, но до сих пор так и не сделала, то ли по причине малодушия, то ли из-за приспособленчества, то ли из страха.

Ну, или, быть может, из *любви* к своему строгому седому родителю.

Ну конечно, она любила отца, как могло быть иначе-то! Ведь после смерти мамы, случившейся, когда она была еще подростком, он, как знала Зоя, отказался от многих карьерных притязаний, чтобы воспитать свою единственную дочь и дать ей «путевку в жизнь».

Никто ведь не сомневался, что Зоя пойдет по стопам своего отца и мамы и также станет врачом. Никто – ни сам отец, ни в свое время мама, ни родственники и знакомые, ни коллеги и приятели.

Никто – кроме самой Зои.

Она видела, как упорно работает отец, а еще раньше – мама. Как они многим жертвуют. Как оба, преподавая в медицинском университете, самозабвенно уходят с головой в науку.

Отец приложил все усилия, чтобы дочка получила свой шанс в жизни. И она его получила. Собственно, вопрос о том, чем Зоя займется после окончания школы, никогда и не стоял. Никто ее не спрашивал, к чему лежала ее душа и куда она, собственно, хочет поступать. Потому что с самого начала было понятно: конечно же, она станет врачом и поступит в тот же медицинский вуз, где когда-то учились, а позднее работали и мама, и отец.

Да, это было понятно всем, за исключением самой Зои. Потому что к медицине ее душа не лежала. Нет, не то чтобы она не испытывала интереса, однако просто не хотела. Она бы предпочла иностранные языки или, быть может, журналистику, но когда в свое время крайне осторожно завела об этом разговор с отцом, тот отрезал, заявив, что она, вне всяких сомнений, продолжит их врачебную династию.

Вне всяких сомнений!

– Я точно тебя не отвлекаю? – спросила Зоя, все еще надеясь, что этот разговор, который надо было вести еще много лет назад, сегодня не состоится. Потому что она понимала, как будет разочарован отец, когда она сообщит ему...

Что после удачно сданной второй сессии в меде она не намеревается больше продолжать там обучение и собирается забрать документы.

Из того меда, в котором учились и работали мама и отец и где он продолжал работать и преподавать и поныне, после смерти мамы.

Нет, не ее это просто, не ее! Конечно, она могла продолжать учиться в меде и дальше, и проблема была вовсе не в том, что ей это не давалось – самое ужасное, что как раз наоборот: все шло *как нельзя лучше!* И вовсе не потому, что она была дочерью одного из самых уважаемых заведующих кафедрой, поблажек ей никто не делал, скорее даже *наоборот*, а потому, что она ведь все годы целенаправленно готовилась к медицинской стезе.

Точнее, ее целенаправленно готовили. Да и дурой, как ни крути, Зоя все же не была.

Нет, с учебной проблем не было, свою вторую сессию она сдала на «отлично», отец не сомневался, что после получения диплома она пойдет в аспирантуру, оставшись преподавать в меде, а потом со временем защитит и докторскую.

И наверняка выйдет замуж за Павлика, сына лучшего друга отца, также заведующего кафедрой в меде!

Ну да, ее жизнь была заранее распланирована, расписана и продумана – всеми другими, в том числе и ее родителями, в первую очередь отцом.

Но только не *ей* самой.

– Отвлекаешь, – ответил отец, который всегда говорил напрямую и был, несмотря на свою внешнюю флегматичность, человеком со взрывчатым темпераментом, что и послужило причиной того, что Зоя так и не заикнулась до сего момента о том, что медицина – это *не* ее.

– И никто другой меня отвлечь права не имеет, но вот любимая дочка может, – заявил Игорь Борисович, поблескивая очками, отчего у Зои по коже побежали мурашки. Ну да, надо было сказать уже давно, хотя грянул бы скандал, причем большой.

Нет, огромный. А вероятнее всего, даже вселенский. Отец, не исключено, не разговаривал бы с ней. Ну из дома, наверное, не выгнал бы, однако всячески демонстрировал бы ей свое «фи». И уж точно не поддерживал ее начинания и приложил бы все усилия, чтобы переубедить ее и вернуть в мед.

И, не исключено, она бы рано или поздно поддалась на его увещевания и согласилась – кривя душой и понимая, что опять подлаживается под его авторитетное мнение.

Да, вероятно, даже больше, чем ссоры и последующего долгосрочного разлада с отцом, быть может, длинной в целую жизнь, она опасалась именно этого: что у нее не хватит ни мужества, ни целеустремленности, чтобы бороться за осуществление своей мечты, и она привычно, как и все эти годы, поплывет по течению...

Но бороться за *что*?

Ну да, вместо медицины может быть что-то, связанное с языками, к которым у нее была большая предрасположенность, или журналистика.

Или что-то *совершенно иное*!

В этом-то и беда: спроси ее отец, она, двадцатилетняя серьезная девица из местного «высшего общества», увлеченная, быть может, вовсе и не Достоевским, а Пелевиным, знавшая наизусть драмы Шекспира, поэзию Бродского и прозу Набокова, и сама не могла бы точно сказать, чего она хочет.

Ужас заключался в том, что она без запинки могла выложить, чего она точно *не* хочет: учиться в меде, хотя все идет без сучка без задоринки, становиться врачом, заканчивать местный, пусть и провинциальный, но по российским масштабам один из наиболее престижных лечебных факультетов страны. Не хочет, как мама и отец, оставаться работать на одной из кафедр, защищать сначала кандидатскую, а затем и докторскую, уходить в науку, делать солидную академическую карьеру, поднимаясь все выше и выше по ступенькам вверх и становясь сначала доцентом, а потом и профессором, заведующей кафедрой, деканом...

Не хочет, в конце концов, выходить замуж за Павлика, молодого человека, приятного во всех отношениях, такого перспективного, и к тому же сына лучшего друга отца и его коллеги по научному сообществу, а также внука бывшего ректора меда. За вне всяких сомнений будущего доктора медицинских наук, профессора, наверное, даже академика, как и его отец, и, кто знает, ректора меда или крупного чиновника в областном министерстве здравоохранения, как дед.

А то и в *московском министерстве*!

Нет, ни при каких обстоятельствах и ни за какие коврижки она за Павлика *не* хочет!

И если бы в ситуации с Павликом отец, скрипя зубами и скрепя сердце, еще мог принять ее сторону, ведь любви, в конце концов, не прикажешь, да к тому же имелись еще и другие отпрыски известных врачей, то ее отказ продолжать образование в меде и идти по стопам самого отца и покойной мамы Игорь Борисович принял бы в штыки и никогда бы ей не простил.

И никогда так и означало: никогда. Ни сейчас, ни год спустя, ни десять, ни *сто девяносто семь*.

Ну да, она элементарно боялась, являясь трусихой. Ну и все эти годы подлаживалась под мнение родителей, вернее, под мнение отца, ведь мама, будь она жива, не исключено, встала бы на ее сторону и смогла бы убедить мужа в том, что мнение дочки нужно если не понять, то хотя бы принять.

Да, точно *встала* на ее сторону – и да, *смогла* бы убедить: Зоя в этом не сомневалась.

Но мама ушла в сорок шесть лет – взяла и умерла. Причем произошло это в день рождения отца, одиннадцатого августа. Самой Зое тогда было тринадцать, и она всегда радовалась дню рождения папы, единственному у них в семье выпадавшему на летний период – и она сама, и мама родились зимой.

Они находились на даче в тот день, была масса гостей, конечно же, в первую очередь из медицинской среды, все шло отлично, и день был такой хороший. Они много смеялись, болтали, праздничный обед, приготовленный мамой, был, как всегда, пальчики оближешь. И никакого алкоголя, конечно же, – с этим у них в семье было строго, ведь и отец, и мама были хирургами, правда, она взрослый, а отец детский.

А потом, когда гости уже разошлись, они остались на даче, наслаждаясь завершением того прекрасного летнего дня и долгими сумерками, и отправились на реку, чтобы искупаться.

Там, на небольшом, уже пустынном, пляжике тоже все было замечательно, вода была как парное молоко, и Зоя помнила, с каким наслаждением она ныряла.

Мама вот тоже нырнула, а потом *не* вынырнула. Зоя сначала этого не заметила, как и отец, отвлеченный разговором на пляже с пожилым соседом, конечно же, маститым медиком. И только когда Зоя истошно закричала, увидев всплывшее спиной из изумрудных глубин тело мамы, он понял, что что-то произошло, – и этот крик словно разрезал их жизнь на две неравные части: *до* и *после*.

До смерти мамы и после нее.

На пляжике было сразу два медика, которые сразу, не дожидаясь вызванной по мобильному «Скорой», принялись за реанимацию мамы, находившейся без сознания.

Но, несмотря на то что оба были профессорами и одними из лучших медиков города, все было тщетно. Бессильны оказались и прибывшие парамедики, да и в городской больнице, куда маму в итоге доставили, тоже не помогли. Несмотря на все прилагаемые усилия, вечером того дня, *дня рождения отца*, констатировали смерть мамы.

Как позднее выяснилось, в тот самый момент, когда она, нырнув, находилась под водой, у нее случился разрыв аневризмы в головном мозге: никто и не ведал, что у мамы была опасная аневризма, себя все эти годы никак не проявлявшая.

А потом она вдруг разорвалась, вызвав крайне обширное субарахноидальное кровоизлияние, приведшее к быстрой смерти.

Маме никто и ничто не могло помочь, разве что ее прямо с пляжика доставили бы на стол к опытному нейрохирургу, да и то почти отсутствовала вероятность того, что она, сумев благодаря его искусству выжить, стала бы прежней мамой. Не исключено, что она оставалась бы в вегетативном состоянии, прикованная к больничным аппаратам.

Наверное, такая смерть – быстрая и немучительная – была лучшим выходом.

Смерть в сорок шесть лет, в день рождения отца.

Эта смерть стала самым сильным аргументом в пользу того, чтобы Зоя также выбрала стезю медика. Ведь если бы она заявила о каком-то ином своем желании, то, получается, она бы *предала* память мамы?

И более того, она бы предала не только маму, которая умерла, но и отца, который продолжал жить, виня себя в том, что не смог помочь жене.

И не желая слушать, что даже самый лучший врач города, страны, мира и Вселенной не мог победить вечную соперницу любой медицины, в итоге всегда, рано или поздно, одерживавшую триумф над любым гениальным врачом, как и над любым человеком.

Смерть.

Все эти воспоминания промелькнули в тот самый момент, когда отец строго взирал на дочь, поблескивая очками и поигрывая тонким острым красным карандашом, которым обычно

проверял студенческие работы: Зоя знала, что этот взгляд нагонял страх не только на неопытных студентов и молодых аспирантов, но даже на маститых коллег отца.

Да, она боялась, но отступать было уже *слишком* поздно. Она и так отучилась два семестра, потеряв год своей жизни.

Жизни, которая, как Зоя знала после внезапной смерти мамы, может закончиться в любой момент. Да, именно что в любой: ты нырнешь в теплые нефритовые воды местной речки – и уже *не* вынырнешь.

Во всяком случае, *живой*.

– Так о чем ты хочешь поговорить, дочка? – спросил отец, и Зоя, поймав его взгляд, почувствовала, что душа ушла в пятки. Ну да, ведь выстраивала этот разговор в мыслях уже сколько недель, а то и месяцев, и вот оно: стоило отцу сверкнуть очками, как вся уверенность немедленно испарилась.

– Папа, речь идет о моей учебе в меде... – выдавила она наконец из себя, понимая, что напрочь забыла все те убедительные слова, весомые фразы и железобетонные аргументы, которые собирала и оттачивала все это время.

Отец, вдруг мягко улыбнувшись, как умел делать только он, снял отбрасывающие столь пугающие блики очки и, положив их на стол около компьютерной клавиатуры, произнес:

– Ах, ты об этом решила поговорить, дочка! Ну, причин для беспокойства у тебя нет!

Зоя еле сдержала вздох – *да*, об этом, хотя, *нет*, совсем даже о *другом*!

– Папа, дело в том, что моя учеба в меде...

Отец, словно не слушая ее (а ведь и в самом деле не слушал!), продолжал:

– Понимаю, хочешь узнать, как я тебя оцениваю, твои успехи и перспективы, дочка...

Нет, она *не* хотела, *совсем* не хотела! Но понимала, что отца, привыкшего вещать с высокой кафедры, уже не остановить.

– Скажу то, что, вероятно, говорить не должен, дочка, но я тобой доволен! Даже очень доволен! Тебя так везде хвалят!

Зоя, еле заметно скривившись, ответила, понимая, что говорить должна была *совершенно* не это:

– Папа, сам понимаешь, что не могут не хвалить, я же твоя дочка...

Да *не то*, совершенно *не то*!

Отец, подняв вверх указательный палец (это был его фирменный жест), заявил:

– Не надо так думать о моих коллегах! Уж поверь, у меня с ними отношения доверительные и профессиональные. И никто бы не стал тебя хвалить лишь потому, что ты моя дочь!

Что правда, то правда: нет, *не* стали бы. И это означало, что она действительно была далеко не самой плохой студенткой. Вероятно даже, одной из лучших.

Что не отменяло того, что к медицине ее душа не лежала и продолжать свое образование на лечебном факультете она после летних каникул не намеревалась.

Отец же, явно гордый ее успехами, продолжал перечислять:

– И с кафедры детских болезней о тебе только самые лестные отзывы...

Там она подрабатывала лаборанткой – не потому, что это так уж требовалось с финансовой точки зрения, а потому что свою карьеру именно там в свое время начинал и отец.

– Папа, ну ты раньше сам заведовал этой кафедрой, было бы крайне странно, если бы они меня разнесли в пух и прах...

И опять *не то*, что же с ней такое происходит-то?

– Дочка, не надо принижать свои достоинства. Потому что у тебя явный талант, уж поверь моему наметанному глазу. Да, есть и такие, которые заставляют себя из-под палки идти в медицину, потому что родители у них тоже медики. Ну, или их заставляют. Но ты явно не из их числа.

Вот именно что из *их*!

Неужели отец этого не понимал и не видел – или *не хотел* понимать и видеть? Но ведь хуже всего, что, похоже, все окружающие тоже не хотели понимать и видеть.

А что если она и в самом деле *может* стать отличным врачом и спасти здоровье и жизни людей, хотя понимает, что это не то, на что она намерена тратить свою жизнь.

Что *тогда*? Имела ли она моральное право уйти из медицины, игнорируя свое призвание? Призвание, которого у нее не было.

Ну хорошо, игнорируя ответственность?

Но всех в итоге все равно *не спасти*. Маму никто не спас, потому что смерть всегда одерживает верх.

Это не значило, что Зоя может просто отойти в сторону и заявить, что это ее не касается.

Или все же *могла*?

Решение, которое еще несколько мгновений назад было для нее кристально ясным, вдруг снова затуманилось. Нет, не могла, наверное.

Но получается, что она будет делать в жизни то, что хочет отец, а не она сама. Разве это *хорошо*?

А кто, собственно, сказал, что это *плохо*...

Зоя продолжала лихорадочно размышлять, в то время как отец расхваливал ее успехи.

– А анатомию как ты сдала! Вероника Михайловна уж до чего строгий преподаватель, но от тебя в полном восторге. А мы с ней, как ты сама знаешь, на ножах. Хотела бы завалить, она бы тебя завалила, конечно, однако она ведь настоящий ученый и сразу видит талант. Она сама мне сказала, что дочку я вырастил замечательную. И это после того, как мы с ней несколько лет не разговаривали, только в коридоре еле кивали друг другу.

Вероника Михайловна была самой жуткой стервой во всем меде, и экзамен по анатомии Зоя вспоминала как один непрекращающийся кошмар – профессорша так и сыпала каверзными вопросами, причем на ее лице, как обычно, играла ехидная улыбка.

Зоя была уверена, что ни за что не получит высший балл, потому что Вероника Михайловна полагала, будто на «пятерку» знает анатомию только она сама, на «четверку» – крайне узкий круг приближенных к ее дебелому телу лизоблюдских гениев, и максимум на «тройку» – все остальные.

И, надо же, Зоя единственная с потока получила-таки заветный высший балл – и это у самой Вероники, которая была заклятым врагом ее отца и не могла простить ему то ли того, что он не взял ее много лет назад в жены, предпочтя маму, то ли того, что он получил место заведующего кафедрой, когда таковой должна была стать сама Вероника, то ли по причине *и* того *и* другого.

Зоя не сомневалась, что Вероника ни за что не поставит ей «четверку», а наградит позорным «тройком» и тем самым лишит красного диплома, сумев отыгаться на дочке своего давнего врага.

Не отыгралась, правда, помучив как следует, промариновав во время экзамена дольше всех – и в итоге даровав ей невероятную заветную «пятерку».

– Вы с ней теперь опять начали общаться? – не удержалась от вопроса Зоя, и отец, водружив на нос очки, ответил:

– Она даже предложила мне вместе написать статью по некоторым спорным аспектам абдоминальной патологии, что меня крайне удивило! На следующей неделе я забреду к ней в гости...

После смерти мамы отец не только не привел в семью другую женщину, но и вообще ни с кем не встречался, загнав горе вовнутрь и с головой уйдя в науку.

Тут Зоя поняла, отчего Вероника была так милостива к ней: ну да, ведь профессорша недавно шумно развелась и теперь решила, что по прошествии многих лет, даже десятилетий, может возобновить отношения с тем, чьей женой когда-то наверняка очень желала стать, но не вышло – с Игорем Борисовичем!

Отсюда и приглашение к совместному написанию статьи, и предложение «забрести в гости». А чтобы довести клиента до кондиции, конечно же, требовалось не валить его дочку на экзамене, а, наоборот, отнестись к ней благосклонно.

У Зои отлегло от сердца. Ну да, все очень просто – она сама отнюдь *не* гений медицины, а всего лишь игрушка в цепких наманикюренных ручках профессорши-интриганки.

Вероники, которая, судя по всему, была не прочь стать ее *мачехой*!

– Папа, ты думаешь, это такая уж хорошая идея – работать над статьей вместе с ней? – спросила Зоя, а отец, который – святая простота! – конечно же, ничего не подозревал и принимал происки Вероники за чистую монету, ответил:

– Ну, тема-то жутко интересная. Я уже синопсис составляю. Вот, послушай...

И он, вернувшись к компьютеру, стал зачитывать Зое свои научные идеи.

Девушка же, не прерывая отца, поняла, что разговор ушел совсем в *другую* плоскость. Никакого разговора не получилось, собственно, да и не могло получиться по определению.

Даже если она сейчас выпалит, что уходит из меда, отец ее не услышит. Потому что он слышит только то, что хочет.

А что, если так и сделать – просто выпалить, что финита ля комедия, кина *уже* не будет?

И «красного» диплома в меде тоже?

– Папа, – произнесла Зоя тихо, но странным тоном, – *nana!*

Отец, оторвавшись от чтения синопсиса научной статьи, которую намеревался писать вместе с Вероникой, не исключено, ее будущей мачехой, воззрился на Зою.

Ну, если отец так хочет, то пусть женится на Веронике – почему бы, собственно, и нет? Вероника, как утверждали все в один голос, умела сенсационно готовить и явно носила бы отца на своих сильных наманикюренных профессорских руках.

Отцу все же за пятьдесят, он уже полностью седой и не неразумный мальчик, попавшийся в сети хитрой разведенки. Если Вероника, то и пусть, лишь бы отец был с ней счастлив: станут писать вместе свои статьи, что в этом плохого?

Вероника, конечно, не будет Зое второй матерью, но вряд ли она на это претендовала. С ней, в этом Зоя не сомневалась, они найдут общий язык.

– Папа! – повторила с вызовом Зоя, решившись. *Сейчас или никогда.*

Отец, глядя на нее, виноватым тоном произнес:

– Ах, ну да, ты же хотела что-то мне сказать, дочка, а я тут стал тебя забалтывать. Так в чем же дело?

Воцарилось молчание. Зоя посмотрела на отца, на посверкивающие очки отца, на выражение его благородного лица, на его подрагивающую руку на компьютерной «мышке».

Ну да, похоже, он тоже волнуется. И не молодеет с годами: у них с мамой Зоя была поздним ребенком – поздним и единственным.

И что будет, если этот ребенок, поздний и единственный, вдруг заявит: дорогой папаша, все твои мечты в отношении меня пойдут полным прахом, я отныне веду собственную жизнь и вообще чао!

– Так в чем дело, дочка? – спросил он, убирая руку с «мышки» и снова беря красный экзаменационный карандаш, начиная с ним играть. Этот мелкий жест ужасно отвлекал Зою.

– Папа...

Она снова сделала паузу. Ну, давай же, трусиха, говори то, что так давно хотела сказать. И вдруг все эти мысли, формулировки и аргументы, которые вылетели у нее из головы, вновь

вспыхнули в мозгу. Чувствуя уверенность, Зоя посмотрела на отца, на его пальцы, меж которых снова краснел карандаш.

– Папа, я должна сказать то, что тебе не понравится, но это ведь моя жизнь. Я приняла решение...

Раздался звонок старомодного телефона на столе отца – приглушенная, даже едва слышимая трель, но и ее хватило, чтобы сбить Зою с толку.

Отец, подняв трубку, тотчас снова положил ее и, внимательно глядя на Зою, произнес:

– Извини, что нам помешали. Но ты продолжай, продолжай...

Телефон снова зазвонил, и отец, на этот раз взглянув на дисплей, нахмурился:

– С кафедры. Извини, но мне надо принять этот звонок. Это недолго.

Он не обманул – телефонный разговор действительно длился *недолго*, но с каждым сказанным отцом словом Зоя ощущала, что решимость покидает ее.

Повесив трубку, отец сказал:

– Извини, но дело было срочное и отлагательств не терпящее. У тебя ведь тоже такое, дочка?

Наверное, да, хотя с принятием решения она тянула уже целые годы.

– Так что ты хотела мне сказать?

В самом деле, *что*?

Зоя выпалила:

– Папа, ты точно уверен, что Вероника тебе подходящая пара?

И прикусила язык.

Ну да, так и не решилась, вот ведь трусливое создание!

Отец, усмехнувшись, ответил:

– Думаешь, она мне в спутницы жизни набивается? Знаешь, я как-то об этом не думал, дочка, хотя все может быть. Но относительно этого ты можешь быть абсолютно спокойна – твоей мачехой она точно не станет!

И почему ляпнула о Веронике, хотя намеревалась сказать *совершенно* иное?

– Не исключаю, что она все еще неровно ко мне дышит, но шансов у нее, дочка, нет!

Зоя пробормотала:

– Хорошо, что я сдала ей анатомию, шансов получить «пятерку» после того, как ты ее отошьешь, у меня не было бы...

Отец, бросив на стол красный карандаш, заявил:

– Ты так не рассуждай, дочка! Вероника и ее возможные ко мне чувства к твоим успехам отношения не имеют! Ты ведь прирожденный медик, ты это сама знаешь! Эта «пятерка» – исключительно *твоя* заслуга, а не ее и не моя!

Ну да, как бы не так! Не подбивай Вероника клинья к отцу, не видать бы Зое не только «пятерки», но и «четверки», как своих ушей.

– Папа, ты переоцениваешь мои медицинские таланты. Хорошо, что ты сам завел об этом речь. Не думаю, что из меня выйдет толковый врач. Более того, я уже давно хотела сказать тебе, что...

Отец прервал ее, в явном возбуждении, так, что у него задрожали руки, заявив:

– Что ты такое говоришь, дочка?! Я так горжусь тобой и твоими достижениями, а это все твои достижения, уж поверь мне!

Ну да, прямо уж так и *ее*: это достижения его собственные и покойной мамы, которую в меде еще хорошо помнили.

– И никакая Вероника тебя завалить на экзамене просто не может!

Как бы не так: очень даже *может*!

– Папа, разреши мне все же довести мою мысль до конца. Я хотела сказать тебе, что медицина – это не то, о чем я мечтаю...

Но отец даже не слышал ее слов, продолжая грохотать:

– Нет, это ты мне разреши, дочка! Не понимаю, отчего ты сама не ценишь себя и свой несомненный медицинский талант. Я же наблюдаю за тобой, я же горжусь тобой! Ты – как твоя мама в молодые годы! Будь она жива, ее бы очень радовало то, чего ты достигла и еще добьешься. А ты добьешься многого, дочка! Очень многого!

Будь она жива... Но ведь мама умерла.

Упоминание мамы развеяло остатки уверенности Зои, и девушка, слушая монолог отца, поняла: нет, если она ему и скажет, то не в этот раз.

Не в этот.

– Так что же ты хотела мне сказать? – вдруг спросил он ее сам, и Зоя растерялась. Она ведь только что приняла решение пока не ставить его в известность, решив сделать это на следующей неделе.

Или в следующем месяце.

– Да нет, ничего, папа...

Но отца было не провести. Он продолжал настаивать:

– Дочка, не юли! Ты же сама знаешь, что я такого не люблю. И мама не любила. Так что за решение ты приняла?

Зоя, зажмурившись, выпалила:

– Папа, мне стало ясно, что так больше продолжаться не может. Я не хочу и не могу больше...

Зловещая пауза. Зоя открыла глаза. Посверкивающие очки отца. Его подрагивающая рука. Его склоненная набок седая голова.

– ...Быть вместе с Павликом!

Ну да, не хотела, но это было не то, что она собиралась сказать отцу, точнее, только часть того, причем *наименее* важная.

Отец поднялся.

– Конечно, это твоя жизнь, дочка, но на твоём месте я не стал бы разбрасываться человеческими отношениями. Павлик тебя любит, это каждому понятно, вы такая хорошая пара! Вы идеально подходите друг другу – два будущих светила медицины!

Отец вовсе не иронизировал.

– Папа, но я не люблю его, разве это совсем ничего не значит?

– Дочка, с чего это ты решила, что не любишь его? *Конечно*, любишь! Ты *всегда* любила! Вы же с детства знаете друг друга!

Ну да, в этом и проблема.

– И вообще, советую не спешить. И у тебя, и у Павлика сейчас важный период в жизни. Ты начинаешь учебу, он ее заканчивает и поступает в аспирантуру. Не надо никаких ненужных заявлений и скоропалительных решений.

– Папа, это не скоропалительное решение. Я не люблю Павлика. Да, он мне как друг или даже как брат, но будь у меня брат, ты же не заставил бы меня за него замуж выходить?

Отец, странно взглянув на нее, отвернулся и вполголоса заметил:

– Сейчас я скажу тебе то, чего никогда не говорил. И о чем ты не знаешь. У тебя был брат, старший. Наш с мамой ребенок до тебя. Но она потеряла его еще во время беременности...

Зоя онемела, не зная, что и возразить. И в голову вдруг пришла странная мысль: не исключено, что потеря первого ребенка у мамы была связана с ее аневризмой, она о таком читала. И если бы родители тогда задались поиском причины выкидыша...

– Папа, извини, мне очень жаль... Но почему... Почему вы об этом никогда не говорили?

Игорь Борисович ответил:

– Потому что мама не хотела. А когда ее не стало, я не видел необходимости ставить тебя в известность. Наверное, и сегодня мне надо было промолчать, но так уж вышло. Так что у

тебя вполне мог быть брат, причем он был бы года рождения Павлика. Занятно, что и мама хотела назвать сына Павлом – в честь своего деда. Не вышло...

Он помолчал, а Зоя поняла: ну да, теперь тему ухода из меда вообще *никогда* поднять не получится!

Потому что дед матери, Павел, которого она, конечно же, не знала, потому что он умер задолго до ее рождения, был легендарным в их краях пульмонологом.

– И, конечно же, дочка, тебе не пришлось бы выходить замуж за родного брата, уж поверь мне! Так что я рад, что ты, не имея старшего брата Павлика, все же обрела другого, того, кто сможет тебя защитить, быть всегда с тобой и любить тебя...

Но она-то не любила своего Павлика! Ну, ни чуточки – как мужчину. Как брата, как друга, как хорошего приятеля – но *не* как мужчину!

– Ведь я грешным делом строил тогда грандиозные планы относительно Павлика, нашего сына и твоего старшего брата. Он ведь тоже стал бы врачом. Не думаю, что пульмонологом, как прадед, в честь которого был бы назван, вероятно, детским хирургом, как и я. Ну, или хирургом для взрослых, как мама. Да, вы были бы великолепным врачебным дуэтом, мой сын Павел и моя дочка Зоя!

Отец распланировал карьеру и, более того, жизнь сына еще до появления его на свет. Ну и ее, собственно, *тоже*.

Так какой же бездушной сволочью надо быть, чтобы после этого признания заявить отцу, что не только его умерший еще до рождения сын Павлик, но и *она сама* не получит медицинского образования?

– Поверь мне, дочка, мама не говорила, потому что не хотела, чтобы ты горевала и мучилась. Я ведь знаю, как она переживала тогда, после... после того, как потеряла ребенка. Но когда у нас появилась ты, мы оба дали себе слово, мама и я: если *наш* Павлик не станет медиком, так им станешь ты!

Он снова посмотрел на Зою и назидательно добавил:

– Конечно, жизнь твоя, и тебе двадцать лет, дочка. Ты – человек взрослый. И если ты не любишь Павлика, то ничего не поделаешь. Но задайся вопросом: что главное в этой жизни? Любовь ли, которая проходит? Я ведь когда-то тоже любил, признаюсь, Веронику Михайловну, но ведь это в далеком, слава богу, прошлом. Что важнее: сиюминутная прихоть или чувство долга?

Да, Зое стало ясно, что мед ей оканчивать придется. Но кто сказал, что она должна работать по специальности и начинать академическую карьеру?

И *тем более* выходить замуж за Павлика?

– Ну, что-то разговор у нас получился грустный, дочка. Так ты подумаешь о том, чтобы не разрывать отношения с Павликом? У него сейчас такой ответственный период в жизни, если ты его бросишь, это может сильно навредить ему. Ты же не хочешь этого?

Нет, *не* хотела. Но почему никто не интересуется тем, чего хочет она?

Никого это не *интересует, понятно*. Весь вопрос только в том, чего же она хочет?

Этого Зоя, к своему ужасу, сказать после сей странной беседы с отцом уже больше с уверенностью не могла.

– ...А это мой троюродный брат Антон, – произнес Павлик, отходя в сторону. Сердце Зои вдруг учащенно забилося: она заметила еще одного гостя вечеринки, которая проходила жарким июльским вечером в огромной квартире родителей Павлика на центральном проспекте Маршала Жукова вечером. Пользуясь тем, что предки отправились на три недели на зарубежный курорт, новоиспеченный аспирант давал знатный прием для «своих».

Двухэтажная квартира в доме элитной постройки на излучине реки была забита сокурсниками, коллегами, молодыми преподавателями меда, а также прочими знакомыми, полужнакомыми и вообще *не* знакомыми.

– Приятно познакомиться. Антон, – произнес молодой человек, пожимая Зое руку. Он разительно отличался от ее Павлика, невысокого, рыжего, говорливого. У его троюродного брата были длинные черные волосы, собранные в конский хвост, небольшая стильная борода и пронзительные синие глаза.

– Зоя, – ответила девушка, вдруг понимая, что весь гул в квартире, забитой праздным народом, жующим, пьющим и хохочущим, вдруг отступил на второй план, а затем и вовсе исчез.

– Я знаю, что Зоя, – усмехнулся Антон. – Павлуха мне о вас рассказывал. Или, если не возражаешь, мы перейдем на ты?

Зоя не возражала.

Они словно попали в параллельную вселенную: она и Антон. Вокруг них были люди, но Зоя их не замечала. Даже Павлика она не видела, устремив свой взор только на одного человека: на его троюродного брата.

Если и существует любовь с первого взгляда, то вот она.

Антон, в отличие от Павлика, говорил немного, однако всегда с тонкой иронией. Он умел слушать. Он разбирался в тонкостях творчества Пелевина.

– Давай выйдем на балкон? – сказал он и, взяв Зою за руку, повел ее за собой. Чувствуя, что по ее телу словно течет электричество, Зоя отправилась вслед за ним.

Однако они вышли не на огромную террасу, на которой под вечернеюющим небом толклись и обжимались гости, а, миновав анфиладу комнат и поднявшись на второй этаж, в спальню родителей Павлика.

– Ты что, туда нельзя! – произнесла с опаской Зоя, когда они оказались перед массивной дверью.

– Всем прочим нельзя, а мне можно. Я ведь не просто гость, я родственник, – усмехнулся молодой человек. – Это накладывает определенную ответственность, но и предоставляет возможности.

Дверь была заперта, чтобы любопытные гости не проникли в святая святых и, чего доброго, не решили устроить кавардак в спальне родителей.

– Так, Павлуха куда-то спрятал ключ, но спрашивать не будем... – пробормотал Антон и быстрым движением руки извлек из кармана джинсов что-то тонкое, похожее на проволоку изогнутой формы.

Несколько мгновений покрутив этим в замочной скважине, он распахнул дверь, которая открылась с легким скрипом.

– Это что, отмычка? – с благоговением спросила Зоя, а молодой человек хмыкнул:

– Нет, всего лишь заколка для волос...

Где Антон научился использовать заколку для волос в качестве ключа для запертых помещений, Зоя спрашивать *пока что* не рискнула.

Они шагнули в полутемную спальню, миновали массивную кровать и подошли к балконной двери.

Открыв ее, Антон ступил на небольшой уютный балкон, выходящий прямо на реку. Зоя, все это время державшаяся за его руку, последовала за ним.

– Откуда ты знаешь, что здесь есть балкон? – спросила девушка и поняла, что вопрос глупый. Мягко улыбнувшись, Антон ответил:

– Ну, я же время от времени бываю в гостях у моих родичей. Хотя, надо признать, они не особо меня жалуют, в особенности тетя. Дядька, мне не родной, еще ничего, а вот она считает, что я неподходящая кандидатура в друзья ее драгоценному сыночку.

И, пронзительно посмотрев на Зою, добавил:

– И твоему будущему мужу.

Смутившись, Зоя взялась обеими руками за металлический поручень и, облокотившись на него и подставив лицо приятному вечернему летнему ветерку, уставилась вдаль.

Она внезапно подумала, что в такой же летний день они с мамой и отцом отправились после празднования дня рождения на пляж, чтобы искупаться в реке.

И вернулись домой только вдвоем.

– Он ведь от тебя без ума, – продолжил Антон, и Зоя, не поворачиваясь, спросила:

– *Кто?* Дмитрий Егорович?

Она имела в виду отца Павлика.

– Ну, старик тоже, он ведь любит засматриваться на молодых красавиц. То есть на таких, как ты. Поэтому тетка и полетела с ним туда, на этот остров, где толкнутся только английские и немецкие старики и нет ни одного ночного клуба: тишь, гладь да семейная благодать!

Зоя звонко рассмеялась: с Антоном было так легко и можно было говорить о вещах, о которых она ни с кем *никогда бы* говорить не смогла.

И это несмотря на то, что знала его всего около получаса.

Молодой же человек продолжал.

– Нет, я веду речь о Павлике. Он ведь на тебе реально повернут, но это как раз понятно...

Его рука легла ей на талию, но Зоя и не думала сопротивляться.

– Он защитится, вы поженитесь, у вас пойдут дети. Впрочем, возможна и иная хронология этих, однако, неизбежных вех.

Он положил ей на талию и вторую руку.

– Нет, не поженимся, – ответила Зоя. – Я скажу тебе то, что никому еще не говорила. Я не выйду замуж за Павлика. И детей у нас не будет. Но на то, что он защитит диссертацию, сначала кандидатскую, а потом и докторскую, это не повлияет.

Она почувствовала на щеке жаркое дыхание молодого человека.

До этого вечера Зоя никому бы не позволила так с ней обращаться, даже Павлику, отношения с которым у нее были до сей поры *исключительно* платонические.

Да, никому и никогда – но вот сегодня этому черноволосому синеглазому нахалу.

В которого она, похоже, успела *влюбиться*.

И это всего за час с небольшим их знакомства.

– Тебе неприятно? Я себе позволяю лишнее? – спросил он, нежно покусывая мочку ее уха.

Ну да, *позволял*, это вне всяких сомнений. Однако ей было *очень* приятно – как никогда раньше в жизни!

– Думаю, это я позволяю себе лишнее, – прошептала срывающимся голосом Зоя и попыталась вырваться из объятий Антона.

Но попытка оказалась весьма неуверенной, так что Антону не составило никакого труда прижать к себе Зою, на этот раз стоящую к нему лицом, и, отбросив с ее покрасневшегося лица светлые кудри, сказать:

– То, что для других в жизни лишнее, для нас – ее неотъемлемая часть.

А потом он ее поцеловал. Коротко, нежно, но требовательно. Оторвавшись от ее губ, молодой человек посмотрел на Зою, словно задавая ей немой вопрос.

И в ответ она сама поцеловала его.

Она не могла сказать, как долго длились их поцелуи на балконе в спальне родителей Павлика, но все прекратилось в тот момент, когда в коридоре раздались громкие голоса и кто-то пьяным баском воскликнул:

– О, смотрите, тут дверь открыта! И какой тут классный траходром! Ой, давайте на нем все вместе поскачем?

Очарование момента было нарушено, и Зоя, плавно отстранив Антона, который, кажется, был готов продолжать с ней целоваться и при случайных свидетелях, выбежала с балкона, минуя кровать, на которой, как она отметила краем глаза, расположились несколько девиц с каким-то солидным бородачом.

– Ой, да тут уже занято? Извините-извините, мы не посягали на ваше любовное гнездышко! – прилетели ей в спину слова, сопровождаемые глупым хихиканьем.

Сбежав по лестнице вниз, Зоя наткнулась на Павлика, который был уже несколько под мухой.

– Я тебя все это время ищу! – заявил он и не очень-то любезно дернул ее за руку. – Где ты была?

В этот момент по лестнице спустился Антон, который, впрочем, сделал вид, что их не видит, и направился напрямик на террасу.

Однако брошенный ему в спину пламенный взгляд Зои не ускользнул от Павлика, который, несмотря на уровень алкоголя в крови, не потерял бдительности.

– Ага, понимаю, где ты была. И с кем! Знал же я, что приглашать этого шаромыжника не стоит. И мама меня предупреждала, да и сам я в курсе, что он за человек!

Павлик снова потянул Зою за локоть, а та, высвободившись, заявила:

– И что же он за, как ты говоришь, *человек*? Не забывай, это твой троюродный брат! И почему ты его так называешь!

Икнув, Павлик зло ответил:

– Увы. Лучше бы он им не был.

И идиотским голосом, подвывая, продолжил:

– «В чем сила, брат?» Так вот, если сила действительно в правде, то мой троюродный братец Антоша – шаромыжник, бездельник и на редкость сомнительная личность. Меняет девиц как перчатки и, если уж на то пошло, кажется, *не только* девиц...

Он зашелся пошлым смехом, а Зоя холодно ответила:

– Павел, ты пьян! На тебя смотреть тошно.

Ее жених взвился.

– На себя посмотри, рыбка моя! Помада по всему лицу, глаза в кучу. Что, наш пострел Антоша везде поспел и уже сдюжил тебя знатно окучить? Ну, он это умеет. Смотри сама!

Он ткнул ее в бок, заставляя наблюдать за тем, как Антон на террасе более чем любезно чирикает с какой-то барышней во всем черном и с массивным кольцом в носу. Зоя ощутила, как у нее заныло в сердце и на глаза навернулись слезы.

Но почему, *почему*?

Антон держал руку на не самой тонкой талии девицы, как недавно делал это с Зоей, и чмокал ее в щеку.

– Ну что, убедилась, что за субчик этот твой Антоша? Все равно лучше меня тебе не найти, рыбка моя! У-у-у-у!

И молодой человек полез к ней со слюнявыми поцелуями.

Зоя, чувствуя, что вот-вот расплчется, оттолкнула своего незадачливого жениха и поймала на себе взгляд Антона, который, заметив ее, тотчас убрал руку с талии особы в черном и с кольцом в носу.

Он двинулся к ней, Павел же, сопя, снова попытался обнять ее.

Подоспевший Антон, резко оттолкнув своего троюродного брата, заявил:

– Тебе же велели не распускать руки, разве не слышал?

Хозяин вечеринки, налетев спиной на одного из гостей, взревел:

– Да кто ты такой, чтобы мне указывать? И вообще, *что* ты здесь делаешь и *кто* тебя пригласил?

Антон спокойным тоном ответил:

– Ну вообще-то ты сам, Павлуха...

– Да какой я тебе Павлуха!

Этот самый Павлик-Павлуха полез на своего родственника с кулаками. А Зоя, вся в слезах, не дожидаясь начала потасовки, которая рано или поздно должна была случиться на вечеринке «золотой молодежи» города, ринулась прочь.

– Рыбка моя, подожди! – раздался плаксивый голос Павлика, и девушка услышала вторящий ему зов Антона:

– Ну куда же ты? Я все тебе объясню...

Не желая, чтобы этот длинноволосый, вскруживший ей голову хлыщ «все объяснил», Зоя выбежала в прихожую, толкнула кого-то входящего в распахнутую квартирную дверь и, оказавшись на лестничной клетке, не дожидаясь лифта, побежала по ступенькам вниз.

И, конечно же, от волнения через несколько этажей споткнулась, крайне неудачно приземлившись на ступеньки. Слыша за собой топот по бетону, Зоя прикусила губу, не столько от боли, сколько от обиды.

Ну да, и как только она смогла попасться на этот самый древний в мире трюк! Еще бы, растаяла, как масло на солнце, перед этим ловеласом.

А Павлик тоже хорош – какой он, оказывается, неприглядный, когда выпьет.

Впрочем, выходило, что когда *трезвый*, вполне себе тоже?

– Больно? Ушиблась? Ногу подвернула? – крикнул, оказавшись рядом с ней, Антон, на смазливом лице которого застыло выражение тревоги. – Разреши тебе помочь...

Зоя, хмыкнув, вцепилась в перила и сердито ответила:

– Нет, *не* разрешу! И вообще, оставь меня, пожалуйста, в покое!

Молодой человек, не слушая ее, осторожно опустился на колени и дотронулся до Зоиной лодыжки.

– Тут больно? А тут? А вот тут?

От его прикосновений у нее по коже пошли мурашки, и Зоя почувствовала, что ее словно током ударило.

Неправильно истолковав ее дрожь, Антон озабоченно произнес:

– Как бы ты себе чего не повредила...

Зоя, отстраняясь от молодого человека, безапелляционно заявила:

– Я же сказала, чтобы ты оставил меня в покое! И вообще, кто тут из нас будущий медик – ты или я?

Ну да, будущий медик, не желающий становиться таковым и только и мечтающий бросить учебу.

Антон, улыбнувшись и показав белоснежные зубы, ответил:

– Ну, скажем, я тоже мог стать медиком, я ведь даже учился в меде и, в частности, сдавал экзамен твоему отцу.

– Наверняка ведь провалился! – заявила рассерженно Зоя. Ну да, безусловно, она ведь имела дело с фанфароном, зазнайкой и, как его называл Павлик, *шаромыжником*.

Антон, снова щупая ее лодыжку, которая и в самом деле начинала гореть, ответил:

– Нет, почему, сдал на «тройку». Твердый, вполне заслуженный. И вообще, я ни на одном экзамене не провалился, однако в итоге все же ушел. Потому что понял, что медицина – не мое.

Чувствуя, что ее злость на молодого человека в одно мгновение как рукой сняло, Зоя заинтересованно уставилась на него. Надо же, перед ней тот, кто взял да ушел из меда. Не

страшась при этом своего строгого родителя! Впрочем, ведь у него не было отца-профессора, который за подобное голову бы оторвал.

Причем не только *фигурально*.

– А вот здесь точно не болит? А вот здесь?

Антон продолжал нежно прикасаться к ее ноге, которая, собственно, не особо-то и болела. Или Зое казалось, что не болела, потому что ей так хотелось, чтобы этот длинноволосый зазнайка прикасался к ней вечно.

– Ты просто так взял и ушел? – спросила Зоя, а молодой человек, коротко усмехнувшись, ответил:

– Ну, в итоге вышло, что да, просто взял и ушел, хотя это было завершением долгого процесса борьбы во мне самом. Я ведь с самого начала знал, что медицина – не моя стезя, однако у нас в семье все медики, поэтому моя судьба была, так сказать, предопределена заранее.

И снова нежное прикосновение к ее лодыжке.

– И что сказали твои родители? – продолжила выпытывать Зоя и услышала в ответ:

– Ну, в восторге не были, конечно, однако я принял решение и не думал от него отступать. Мы какое-то время даже не разговаривали с моим отцом, но ничего, он в итоге смирился.

А вот сможет ли смириться *ее собственный отец*? Это уж вряд ли...

– И не думали переубеждать? – продолжала форменный допрос Зоя, и Антон, взглянув ей в лицо, ответил:

– Отчего же, даже и сейчас пытаются, хотя, вероятно, уже поняли, что все это напрасно. Однако скажи, отчего тебя это так занимает? Из праздного любопытства, что ли? Ведь ты точно не намереваешься уходить из меда, еще бы, тебе же на роду написано стать медиком, причем именитым! Это с *таким-то* отцом!

Ну да, с отцом, который не только страстно желал, чтобы она пошла по его стопам, точнее, по его *и* мамы, но и мысли не допускал, что может быть иначе.

– Нет, это не праздный вопрос, – ответила тихо Зоя, чувствуя, что ее злость в отношении Антона давно исчезла.

Тот же, внимательно посмотрев на нее, вдруг произнес:

– Только не говори, что ты сама подумываешь уйти из меда? Ни за что не поверю!

И тут Зоя расплакалась.

А дальше произошло то, чего она не ожидала, хотя втайне, вероятно, надеялась: молодой человек снова поцеловал ее.

– Нет, не надо, – попыталась отодвинуться от него Зоя, что вышло, однако, плохо. *Крайне* плохо. – Нет, прошу тебя, не надо!

– А я вот думаю, что очень даже *надо!* – ответил он и продолжил ее целовать.

Закрыв глаза, Зоя отдалась непонятному щемящему чувству, которое возникло у нее в груди, однако, пересилив себя, все же оторвалась и, тяжело дыша, заявила:

– Я все видела!

Антон, удивленно уставившись на нее, произнес:

– Что ты видела? А, понимаю, это как я Лику целовал?

Зоя насупленно молчала, а Антон расхохотался:

– Ну да, понимаю, какое у тебя обо мне сложилось впечатление! Только что обжимался с тобой на балконе, а потом уже к другой на террасе пристает! Провинциальный альфонс, ни дать ни взять.

Ну да, точно, провинциальный альфонс, нахал и шаромыжник. Но такой *очаровательный* шаромыжник, прикосновения которого заставляют ее буквально трепетать.

Зоя молча кивнула и добавила:

– И ты ее при этом еще приобнял. Ну, руку на талию опустил...

Смеясь, Антон воскликнул:

– Ну, Лика – моя давняя знакомая. Причем очень-очень давняя!

Ну да, так и есть, у этого очаровательного шаромыжника везде имелись свои давние знакомые. Вернее, *очень-очень* давние. Интересно, кому-то он, рассказывая о ней самой, тоже будет ее так представлять?

– Ну, не поверишь, но я с ней в детский сад ходил!

Вот именно, Зоя *не верила*, хотя оснований для этого у нее, собственно, не было. Ну, что она видела, как на вечеринке молодой человек положил руку на талию какой-то девице и чмокнул ее в щечку?

– Ты ее приобнял при этом! – продолжила она упрямо, вдруг понимая, как смешно звучат ее обвинения.

– Ну да, приобнял, я с ней всегда так делаю.

Так и есть, его бывшая. Или даже никакая не бывшая, а все еще *настоящая*?

А если это так, и бывшая Лика, вся в черном и с кольцом в носу, его даже очень себе настоящая, то кто тогда, собственно, она сама?

Вот именно, *кто*?

Похоже, глупая наивная провинциальная студенточка, которую местный очаровательный шаромыжник решил внести в список своих любовных побед.

Причем весьма глупая и трусливая провинциальная студенточка, у которой не хватало мужества ни отринуть от себя этого *очаровательного* шаромыжника, ни поведать строгому отцу-профессору и заведующему кафедрой, что она не желает становиться медиком.

– Ну, уверяю тебя, что это так, хотя звучит как выдумка! Мы с ней в одной песочнице играли и на одном горшке сидели, причем в буквальном смысле!

Зоя, чувствуя, что ее тянет улыбнуться от его слов, и тщательно это скрывая, парировала:

– Попрошу без ненужных подробностей!

В ответ Антон снова поцеловал ее, и она и не подумала отстраниться.

Наконец, оторвавшись от ее губ, молодой человек сказал:

– Думаешь, наверное, что это моя бывшая. Нет, это не так, хотя мы и в самом деле были достаточно долгое время вместе.

Ну вот, что и требовалось доказать – он даже и *не пытался* это скрыть! И как она могла попасться на такую дешевую уловку.

– И официально считались парой. Все были уверены, что дело к свадьбе идет...

Зоя сухо перебила его:

– И тут *тоже* попрошу без ненужных подробностей.

И, не удержавшись, все же быстро переспросила:

– Отчего же в ЗАГС так и не отправились?

Он снова поцеловал ее, и на этот раз это длилось долго-долго.

Наконец, прижавшись к девушке лицом, очаровательный шаромыжник произнес:

– Ну, мы ведь и не собирались, ни Лика, ни я. К тому же я с самого начала знал, что требовался ей в качестве прикрытия. Но теперь все позади, и Лика не скрывает, что у нее есть подруга!

Зоя вздохнула. Ну надо же, *как* бывает! Только правда ли все эти рассказы?

– Что, неужели не веришь? Спроси тогда хотя бы у Павлухи! А, понимаю, он ведь тебя намеренно завел, наверняка рассказывая о том, какой я ветреный и неверный? Тогда давай прямо сейчас пойдем и спросим у самой Лики! Она тебе свою подругу представит, та ведь тоже на вечеринке торчит! Думаешь, что они будут тебя обманывать?

Нет, *не* думала. Зоя была рассержена – в первую очередь на себя, что поддалась на провокацию Павлика, а во-вторых, на самого Павлика, который, зная правду, все же кормил ее байками, чтобы очернить в ее глазах этого очаровательного шаромыжника.

– А ты что, ревнуешь? – задал ей простой вопрос Антон, и Лика почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо.

Выходит, что да, *ревновала*.

Попытавшись подняться со ступенек лестницы, на которых она сидела, чтобы отправиться прочь и не отвечать на этот щекотливый вопрос, Зоя убедилась, что это у нее не получится: похоже, она при падении подвернула ногу.

– Болит? Где, здесь?

Антон снова прикоснулся к ее лодыжке, и Зоя с облегчением отметила, что скользкая тема о ее ревности осталась позади. Да, она ревновала, выходит, необоснованно и по причине провокации, устроенной Павликом.

Тот ведь тоже хорош – намеренно рассказывал ей всякую ерунду, желая, чтобы у нее возникло превратное мнение об очаровательном шаромыжнике.

– Вызвать «Скорую»? Думаю, тебе надо в травмопункт...

Зоя помотала головой и ответила:

– Да ничего страшного, мне просто нужен холодный компресс и покой. Ты не вызовешь мне такси?

Нагнувшись, Антон обхватил ее крепкими руками и произнес:

– Держись за меня, я отнесу тебя вниз!

Зоя прижалась к очаровательному шаромыжнику, и тот, подхватив ее, понес по лестнице вниз.

Зое так не хотелось, чтобы лестница заканчивалась. Нет, Антон даже не попытался снова поцеловать ее, однако у него на руках было так...

Так уютно и спокойно.

– Ага, вот вы где! – раздался знакомый голос, когда они оказались в холле на первом этаже, где около лифта столкнулись с взъерошенным и растерянным Павликом. – А я вас тут везде ищу и никак отыскать не могу!

Антон со смешком заметил:

– Сложно, Павлуха, найти то, чего и в помине нет! Это я, кстати, если ты не понял, о твоей порядочности!

Подскочив к своему троюродному брату, Пашка, сжимая кулаки, заявил:

– Эй, ты что это имеешь в виду? И почему ты мою девушку на руках держишь? Тебе кто это позволял?

– Твоя девушка и позволила, потому что ей требуется медицинская помощь. Только вот не лезь со своими советами и напоминаниями о том, что ты у нас будущий доктор медицинских наук. Зачем ты наврал Зое о моих отношениях с Ликой? Ты ведь в курсе нашей истории!

Судя по тому, что Павлик залился краской стыда и занервничал, все то, что поведал ей *очаровательный* шаромыжник, было сущей правдой. Чувствуя, что от сердца отлегло, Зоя сильнее прижалась к молодому человеку.

Он *не обманул* ее!

– Зоя, рыбка моя, давай я посмотрю, что случилось! Я же все-таки врач...

Павлик полез к ней, но Антон не допустил его до девушки, которую держал на руках.

– Ты прежде всего враль, Пашка. И вообще, ты прилично набрался. Тебе следует за этим следить, потому что сам знаешь, что в этом плане у тебя наследственность далеко не самая идеальная...

Незадачливый жених Зои вдруг ударил очаровательного шаромыжника в лицо.

Антон, выдержав удар, не самый сильный, но крайне оскорбительный, только сильнее прижал к себе Зою, которая ощутила, как напряглись его мускулы.

– Пропусти нас! – Его голос принял зловещий оттенок, и Павел, икнув, растерянно произнес:

– Ладно, ты сам спровоцировал! Я не хотел!

Не хотел, но все же ударил своего троюродного брата, при этом разбив тому губу, из краешка которой текла алая струйка крови.

Зоя боялась, как бы не возникла потасовка, но Антон, плечом отпихнув своего родственника, направился к выходу из элитного дома, в котором проходила закончившаяся столь нелепым образом вечеринка.

– Тебе теперь тоже требуется медицинская помощь, – произнесла тихо Зоя и стерла кровь с губы очаровательного шаромыжника.

Впрочем, шаромыжником, выходило, был Павлик, а не его троюродный брат.

И уж точно *не* очаровательным.

– Ничего, до свадьбы, как говорится, заживет! – усмехнулся Антон и звонко расхохотался – они в этот момент как раз спускались с парадного крыльца элитной многоэтажки.

– А что в этом смешного? – спросила с удивлением Зоя, и Антон пояснил:

– Отчего-то представил, что выношу тебя на руках из Дворца бракосочетания! Это ведь если мы о свадьбе речь ведем...

Также расхохотавшись, Зоя ответила:

– Это что, официальное предложение руки и сердца?

Ну да, официальное предложение от человека, которого она знала от силы час или полтора...

Любовь с *первого* взгляда – и до *последнего* вздоха?

– А что, если да? – ответил Антон, и у Зои вдруг душа ушла в пятки. Потому что тон молодого человека был такой...

Такой *серьезный*.

Возникла заминка, и Зоя вдруг ощутила, в какой небывалой ситуации она оказалась: с подвернутой ногой, на руках незнакомого очаровательного шаромыжника, с которым она тем не менее успела нацеловаться, из рассеченной губы которого текла кровь – и который, судя по всему, только что сделал ей предложение.

Или она поняла все *не* так?

– А почему бы, собственно, и нет! – ответила Зоя и снова стерла каплю свежей крови, которая продолжала сочиться из уголка губы Антона. – Если ты обещаешь мне, что всю жизнь будешь, как и сейчас, на руках меня носить, то я согласна.

И услышала в ответ:

– Да, я обещаю.

Такси в итоге никто так и не вызвал. И вместо того, чтобы отправиться домой, где ее ожидал строгий отец, профессор и заведующий кафедрой, а также мягкий диван и холодный компресс для лодыжки, Зоя весь вечер и даже часть жаркой летней ночи провела на городской набережной с Антоном.

Сидя на скамейке под большой старой липой, глядя на медленно текущую реку, они говорили, говорили и говорили...

И целовались, целовались, *целовались*.

Удобно устроившись на скамейке, облокотившись о плечо Антона, Зоя ощущала, что была все эти незабвенные часы счастлива так, как никогда в жизни.

Потом они немного прогулялись по залитой светом изогнутых фонарей, заполненной празднующимся народом набережной – несмотря на поздний час, людей было полно.

Лодыжка еще давала о себе знать, но вывиха точно не было: это Зоя как студентка второго курса меда могла сказать с уверенностью.

Хотя то, что нога почти не болела, она объясняла тем, что там, на лавочке, очаровательный шаромыжник колдовал над ее лодыжкой, осторожно разминая и поворачивая ее то туда, то сюда, в результате чего боль вдруг куда-то ушла.

То ли мануальная терапия, то ли великая сила любви.

В том, что она влюбилась в очаровательного шаромыжника, Зоя уже не сомневалась – причем произошло это, вероятно, в момент их знакомства.

Ну, или самое позднее на балконе в спальне родителей Павлика.

Ах, ну конечно, *Павлик...*

О нем Зоя думала отстраненно, как о том, что не имело для нее значения. Она ведь никогда не представляла его в роли своего жениха и тем более мужа, а вот как было с самим Павликом?

Но думать об этом ей совершенно не хотелось, потому что рядом с ней был ее очаровательный шаромыжник. Ну да, никакой не шаромыжник, как выходило, но очаровательный, это был факт неоспоримый.

Ее очаровательный шаромыжник – и *только* ее.

– Хочешь мороженого? – спросил ее Антон во время их волшебной прогулки по набережной – и в самом деле, несмотря на то, что давно наступила ночь, неподалеку, около массивной гипсовой беседки в пышном советском стиле, шла бойкая торговля мороженым с передвижного лотка.

Антон вернулся к ней с огромным мороженым, по причине летней жары уже начавшим таять, и с большим воздушным шаром в виде сердца.

– Вот, бери, – сказал он, держа в одной руке сразу два мороженных, – можешь сама выбрать, какое хочешь.

– А шарик-то откуда ты взял? – спросила в волнении Зоя, и молодой человек признался:

– Выменял у одного карапуза, с разрешения его родителей, на солидную порцию пломбира. Вот, оно для тебя, мое пылающее сердце!

Он протянул ей воздушный шар, но Зоя, мороженое которой накренилось в этот ответственный момент, отвлекалась и не успела взять из рук Антона веревочку. Тщетно она пыталась схватить уплывающее в ночную высь большое красное сердце.

Эта оплошность отчего-то ужасно огорчила Зою, она даже расплакалась, а Антон, прижав (насколько это было возможно с тающим мороженым в руке) к себе девушку, со смехом заявил:

– Ну что ты, не стоит! Мое пылающее сердце по-прежнему здесь, а не во тьме ночной!

Прижавшись к груди молодого человека, Зоя в самом деле слышала его гулкое сердцебиение, но все равно ей отчего-то было невыносимо горько.

– Не стоит плакать, прошу тебя.

Зоя в самом деле разревелась, и Антону пришлось утешать ее. Внезапно волшебство летней ночи, как воздушный шарик в виде сердца, куда-то улетучилось, и Зоя почувствовала, что ей делается зябко.

И река, та самая, в рукаве которой на дальнем пляжике в районе дач нырнула и *не* вынырнула мама, несла свои воды мимо них, и кто знает, может, пылающее сердце, которое подарил ей очаровательный шаромыжник, тоже найдет упоение в темных водах.

О чем это она, *собственно*, думает?

– Отведи меня, пожалуйста, домой, – попросила Зоя, опираясь на руку своего спутника, – мне отчего-то холодно...

Очаровательный шаромыжник разволновался:

– Да ты вся дрожишь! Извини, глупая была идея идти на набережную. Хотя и тепло, но все равно ветрено. А я еще и мороженое купил, идиот...

– Спасибо, оно очень вкусное! Ты выбрал именно то, которое я люблю, малиновое с орехами... *Ой!*

Неловко взмахнув рукой, Зоя выронила мороженое из вафельной трубочки на асфальт, и малиновый шарик, распластавшись, в призрачном янтарно-мертвенном свете изогнутого фонаря, над которым роились ночные бабочки и мошки, превратился в кровавое пятно.

– Какая я неловкая! – потрясенно воскликнула Зоя и зарыдала.

Антон, явно озадаченный ее сильной реакцией на этот пустяк, засуетился, собрался купить ей новое мороженое, но Зоя отказалась.

Нет, ей не новое нужно было, а то, что кровавой кляксой растекалось по асфальту, привлекая к себе армаду пронырливых муравьев.

Но ни старое мороженое, ни улетевшее пылающее сердце вернуть было нельзя.

Как нельзя было вернуть маму, которая нырнула в реку и не вынырнула – во всяком случае, *живой*...

И отчего она так упорно думает *об этом*?

– Ты можешь идти? *Точно* можешь? Нет, давай я все-таки вызову такси? Тебе ведь далеко отсюда?

Очаровательный шаромыжник прикладывал максимум усилий, чтобы Зоя чувствовала себя комфортно, но от этого было только горше.

И дело было отнюдь не в нем, а в ней. В ее прошлом, настоящем и, вероятно даже, *будущем*.

Понимая, что сводит своим поведением молодого человека с ума, Зоя, взяв себя в руки (однако продолжая чувствовать в душе странную, невесть откуда взявшуюся тревогу, засевшую там тупой иглой), произнесла:

– Ну, тут недалеко вообще-то. Не знаю, ходит ли маршрутка. Сейчас ведь около полуночи?

Антон, бросив взгляд на мобильный, объявил:

– Почти половина третьего.

Запаниковав, Зоя заявила, что ей надо *немедленно* домой. Мобильный она на вечернику не взяла, потому что в сарафане, который она надела, карманов не было, а сумочку брать не стала, решив, что все равно *самое позднее* к одиннадцати будет дома.

О чем и сообщила отцу.

Да, маршрутка уже больше не ходила, свободное такси пьяная парочка увела у них прямо из-под носа, а ехать вместе с ними ужасно не хотелось, и тогда Антон снова взял Зою, которая почувствовала, что ужасно устала и нога ее все же болит, на руки.

– Я же обещал, что буду носить тебя все время на руках, так что выполняю свое обещание, – заявил он. – Ну что, прокачу с ветерком!

Он не просто донес ее до дома, но большую часть пути даже бежал или уж точно очень быстро шел, так, что в ушах Зои действительно свистел ветер. Она, кажется, даже прикорнула у него на груди, отчего-то вообразив, что это путешествие в объятиях очаровательного шаромыжника будет длиться вечно.

Но ничего не длится вечно: шарик-сердце улетает в ночное небо, мороженое тает на асфальте, становясь добычей муравьев, а *мама*...

Мама ныряет и *не* выныривает – живой.

Напуганная неприятным воспоминанием о смерти мамы, которое пришло к ней во время короткого сна, Зоя вздрогнула от ужаса и открыла глаза – они были у ее дома.

До нее донеслось тяжелое дыхание Антона, и девушка виновато произнесла:

– Извини, что тебе пришлось так надрываться. Ты устал?

Ну да, протащил ее на себе пару километров от набережной до дома – конечно, *устал*. Дюймовочкой она, как ни крути, не была, и очаровательный шаромыжник, невзирая на свои спортивные кондиции, явно выбился из сил. А она даже не могла пригласить его к себе, чтобы выпить чаю: в три часа ночи на кухню квартиры, где ее ожидал встревоженный отец.

В том, что отец встревожен и наверняка не спит, Зоя, никогда не позволявшая себе подобных ночных эскапад, ничуть не сомневалась. Она даже видела окно кухни на шестом этаже, оно единственное среди прочих черных квадратов светилось в этот поздний час.

– Может, зайдешь? – предложила Зоя, которую Антон осторожно поставил на ноги. – Думаю, кофе предлагать в столь поздний час не стоит, но чай или сок?

Ну да, в три часа ночи на кухне с ее сходящим с ума от волнения отцом-профессором.

Антон, поцеловав ее, произнес:

– Ну, теперь я в курсе, где ты живешь, это для первого свидания даже чересчур, не находишь?

В ответ Зоя сама поцеловала его и прошептала молодому человеку на ухо:

– А раз знаешь, то приходи завтра!

Антон усмехнулся:

– Точнее, уже сегодня, хотела ты сказать? Это не окно твоей квартиры там единственное светится? Потому что там только что кто-то во двор выглядывал. Лучше мне сейчас не подниматься с тобой. Ты ведь мне позвонишь?

Девушка кивнула, и очаровательный шаромыжник, поцеловав ее, исчез в ночи.

И только открывая кодовый замок подъезда, Зоя сообразила – она ведь даже не узнала номер его телефона!

Она обернулась, но было уже поздно – ее спутника нигде не было.

Она потеряла его, как улетевший воздушный шарик – пылающее сердце. Как упавшее мороженое.

Как лишилась мамы...

Двери лифта с неприятным скрежетом распахнулись, а Зоя все размышляла о том, что придется звонить в квартиру, потому что ключ она с собой не взяла, уверенная, что вернется *не позднее одиннадцати*.

Однако отец, всклокоченный, в малиновом халате, поджидал ее прямо на лестничной клетке.

Ничего не говоря, он схватил ее за руку и втащил в раскрытую дверь квартиры, которую захлопнул резко, с гулким стуком.

– Папа, извини, что задержалась, но вечеринка так долго шла, что я потеряла счет времени. Павлик проводил меня до дома, так что не волнуйся, – начала Зоя и осеклась, потому что в коридор квартиры из кухни вышел бледный, трясущийся Павлик.

Завидев Зою, он плаксиво заявил:

– Господи, если бы ты знала, рыбка моя, как мы все извелись! Тебе даже позвонить было нельзя, потому что ты свой мобильный не взяла! С тобой все в порядке?

Зоя молчала, наблюдая за отцом, который сверлил ее взглядом. Наконец, Игорь Борисович произнес зловещим тоном:

– И кто этот хлыщ, что обслуживал тебя прямо около нашего подъезда? Я все прекрасно из окна кухни видел!

Зоя поняла, что Павлик, прискакавший к ней домой, уже наверняка успел поведать отцу кошмарные истории о своем непутевом троюродном братце и подготовил почву для ее приема.

– Думаю, Павел тебя уже по этому поводу просветил и мое мнение тебе не требуется? – спросила Зоя. – От себя добавлю, что это твой бывший студент и он сдавал тебе экзамен.

Ну да, и получил за это твердый «трояк».

– Да мне за эти годы *тысячи людей* экзамен сдавали, дочка! – прогрохотал отец. – И этого хлыща я не помню, значит, один из общей массы. Наверняка тогда завалил!

Зоя саркастически ответила:

– Нет, получил свой заслуженный «тройак». А это, согласись, папа, *не такое уж* и маленькое достижение.

Павлик, включаясь в разговор на правах жениха и будущего члена семейства, с явно деланным, театральным вздохом заявил:

– Я уже Игорю Борисовичу поведал, кто на тебя глаз положил. Увы и ах, мой троюродный брат, но от родственников ведь не отрекаются, какими бы непутевыми они ни были. А Антон, к большому сожалению, именно из таких. Рыбка моя, ты наверняка устала. И как твоя ножка?

Павлик подошел к ней с явным намерением поцеловать, но Зоя, отстранившись, заявила:

– Вот только давай не будем делать вид, что все хорошо. И вообще, на лестнице я упала из-за тебя. Ты наплел мне небылицы про Антона, Лику и их роман, а ведь все далеко не так, ты сам в курсе!

Да, судя по нервной судороге и бегающим глазкам, Павлик был *очень даже* в курсе.

Однако отца уже сумел взять в оборот, поведав ему невесть что.

– Ну, рыбка моя, ты устала, тебе надо отдохнуть. Уже так поздно! Мы же с ума сходили. Ты непонятно где и с кем...

Зоя холодно ответила:

– Ты что, не знаешь номера мобильного своего троюродного брата? Если ты так беспокоился, взял бы и позвонил ему, раз до меня дозвониться не в состоянии! Телефон у Антона был с собой, и никто ему не трезвонил!

Глаза Павлика снова забегали, и Зоя поняла: ну да, номер ему, естественно, известен, однако в планы ее незадачливого жениха *вовсе* не входило куда-то звонить и кого-то предупреждать. Наоборот, надо было накалить ситуацию, и чем позднее Зоя заявила бы домой, тем лучше.

– Понимаю, мой юный аспирант-интриган! – заявила в сердцах Зоя. И как такое могло быть: знала Павлика уже столько лет, а оказалось, что он сволочь!

Может, потому что он действительно любит ее?

Даже если так – она его не любила. И никогда уже не полюбит. Потому что полюбила она *другого*: его троюродного брата, очаровательного шаромыжника Антона.

И ей стало вдруг жалко Павлика.

– Извини, я не хотела... – сказала девушка примирительно. И, обращаясь к отцу, добавила:

– И ты меня тоже извини, папа. Да, я повела себя глупо и эгоистично, но я совершенно потеряла счет времени. Потому что влюбленные часов не наблюдают.

Отец оторопело уставился на нее, а Павлик плачущим голосом провозгласил:

– А что, если бы с тобой что-то нехорошее случилось, рыбка моя? Мой троюродный брат – крайне опасный человек!

Мотнув головой, Зоя заявила:

– Думаю, что это *его* троюродный брат – крайне опасный человек! Который врет, сочиняет небылицы и намеренно настраивает людей против Антона.

– Кто такой Антон? – произнес отец, который, по всей видимости, так и не знал имени того, с кем Зоя провела все эти последние часы.

Самые упоительные часы ее жизни.

– Игорь Борисович, так и зовут этого Кравцова, моего троюродного брата, о котором я вам рассказывал. Ну, который в самом деле ваш бывший студент. Завалил сессию, был отчислен. Жуткий типок, даром что мой родственник, правда, дальний!

Ну да, Павлик, пудря ее отцу мозги, даже имени своего «жуткого дальнего родственника» не упомянул, титулуя Антона только по фамилии.

Зоя поняла, что наступил час поведать правду. Всю правду. Да, она боялась, трусила, страшилась, но оттягивать не имело смысла.

– Папа, Антон – это человек, которого я люблю. И который, в этом я не сомневаюсь, тоже любит меня. И за него я намерена в скором будущем выйти замуж!

Воцарилось внезапное гробовое молчание, нарушаемое только тиканьем часов на стене.

Павлик засопел, явно намереваясь заплакать. Ну да, его было жаль, но любовь, выходило, жестокая штука. Там, где одни купались в счастье, другие тонули в боли.

Тонули... как мама тогда на дачном пляжике: нырнула и *не* вынырнула...

Во всяком случае, *живой*.

Пока Павлик, то ли работая на зрителя, то ли в самом деле выказывая подлинные чувства, сопел и фыркал с подозрительно красными глазами, отец воскликнул:

– Дочка, ты что, выходишь замуж за какого-то проходимца? Не за Павла?

Зоя, понимая, что жребий брошен и отступать уже некуда, просто ответила:

– Да, папа. Только он не проходимец, а человек, которого я люблю.

Отец в явной растерянности протянул:

– Одно другого не исключает, дочка. Но не надо спешить! И вообще, как ты можешь выходить замуж в двадцать лет, когда только учебу начала! У тебя карьера только-только начинается, зачем тебе замужество, к тому же с бухты-барахты? А что, если дети пойдут? Сначала заверши образование, защити диссертацию...

Ну да, если бы она заявила сейчас отцу, что намерена выйти замуж за Павлика, то родитель, крайне довольный фактом этого династического брака, бросился бы дочь поздравлять и уж точно не стал бы ее отговаривать.

Дело было, конечно, не в раннем браке, а в том, с кем она собиралась его заключить.

Она и собиралась: не с Павликом, а с Антоном.

Зоя, взглянув на отца, поняла, что сделала первый шаг, после которого нельзя не сделать и второй. Кто сказал «а», должен сказать и «б». И, вероятно, даже и «в», и «г», и «д».

Она и сказала.

После короткой паузы Зоя произнесла:

– Папа, никакой карьеры не будет. И диссертации тоже не будет, ни кандидатской, ни тем более докторской. И учебы в меде не будет. Потому что я для медицины не создана. Это не твоя вина, но и не моя тоже. Я в ближайшие дни подам на отчисление. Я не хочу становиться врачом и не стану им. Пожалуйста, извини.

Она ведь в самом деле сказала это – наконец *сказала!*

То, чего она так боялась все эти дни, недели, месяцы, да что там, *годы*, было облечено в слова, обращенные к отцу.

Этой напряженной июльской ночью. Не самое подходящее время, но лучше поздно, чем никогда.

Даже в половине четвертого утра.

Отец, явно потрясенный ее словами, с дрожащими руками, стоял и смотрел на Зою. Девушка подошла к нему, желая обнять его, но профессор, резко отшатнувшись и так ничего и не ответив, прошел в свою комнату и закрыл дверь.

На этот раз без гулкового хлопка, отчего было *еще* страшнее.

Зоя услышала поворот ключа в замке – отец *никогда* не запирает дверь. Никогда – до этого самого раза.

Павлик же, придя в себя, посыпал словами.

– Рыбка моя, не волнуйся, это пройдет. Это у тебя наваждение, мой троюродный братец умеет вскружить голову. Ну да, смазливый, ладный парниша, у которого к тому же язык отлично подвешен, с определенным романтическим шармом, но не пара он тебе, не пара! Ясно, что ты в него влюбилась, но это ненадолго. В него все влюбляются, но в итоге, убеждаясь, какой он мерзавец, так же быстро теряют к нему интерес. Я тебя не осуждаю за то, что ты влюбилась. К тому же он весьма опытен в общении с женским полом. Ну, и как я тебе уже говорил, не

только и женским. Он у нас мальчик не промах, никогда своего не упустит. Я в этом плане с ним соперничать не могу, он наверняка пленил тебя своим сексуальным, так сказать, багажом, но это ведь все наносное. Тебе нужен человек, который тебя любит и всегда будет с тобой, на которого ты сможешь положиться.

Не в состоянии выносить этот водопад высокопарных, лживых фраз, Зоя взглянула на Павлика.

– То есть, хочешь сказать, такого, как *ты*?

Молодой человек, не расслышав сарказма в ее словах, горячо подтвердил:

– Да, именно так и есть, рыбка моя! И пусть я не такой красавец, природа не особо одарила, и в плане интимных отношений я, признаюсь, не такой ушлый, как мой троюродный братец, но дело ведь не в этом!

Зоя, пристально глядя на Павлика, который говорил все быстрее, покрываясь багровыми пятнами, испытала к нему то чувство, которое женщина к мужчине испытывать никогда не должна.

Чувство *жалости*. Причем жалости, обильно приправленной презрением. И от этого она ощутила себя еще более виноватой.

Зоя тихо произнесла:

– Да, ты прав, дело не в этом. А в том, что я *тебя* не люблю, я люблю твоего троюродного брата. И изменить тут уже ничего нельзя.

И, помолчав, добавила, словно подводя итог:

– Да, *нельзя*.

Павлик судорожно зарыдал, и Зоя долго еще отпаивала его на кухне чаем. Он все говорил, говорил и говорил, пытаясь все изменить, но Зоя даже не слушала его, только механически совершала те или иные действия: ставила чайник, подавала сахар, пододвигала вазочку с печеньем.

В мыслях же она была далеко – хотя, если уж на то пошло, не *так уж* чтобы очень. Она снова и снова переживала волшебные часы на набережной с Антоном.

Но все завершалось одинаково: шарик улетал в небо, мороженое кровавой кляксой расплывалось на асфальте, а река продолжала дальше нести свои волны.

Река, в которую нырнула, но так и *не* вынырнула мама.

– Рыбка моя, ты должна понять, что все, что я делаю, это только для тебя! Ну да, я сказал и сделал вещи, которые при обычных обстоятельствах были бы не в порядке, но обстоятельства же совсем не самые обычные! Рыбка моя, речь идет о *нашей с тобой* совместной жизни...

Заметив, что за окном уже начинает светать и короткая летняя тьма уступает место серозизому утру, Зоя, зевнув, поняла, что не спала уже почти сутки.

Сутки, за которые ее жизнь переменялась радикальным образом.

Самым радикальным.

– Рыбка моя, давай сходим с тобой в кино, там новый отечественный блокбастер вышел. Ну, или на любовную комедию, если хочешь. Или и на то и на другое. Ну, скажи же что-нибудь, рыбка моя...

Зоя взглянула на сморщенную физиономию Павлика. Нет, человек он неплохой, вероятно, даже *хороший*. И его жене с ним очень повезет – только вот она сама не намеревалась становиться таковой.

Еще бы, будущий профессор, доктор медицинских наук, быть может, академик, заведующий кафедрой, декан или даже ректор.

Или важная шишка в областном министерстве здравоохранения. Или *даже* в столичном. Может, вообще министр здравоохранения!

Не суждено ей сделаться мадам министшей, *не суждено*. Но по этому поводу Зоя не испытывала ни малейшего разочарования.

Она любила не Павлика, а Антона: все было так просто.

Очень просто.

Может, даже *слишком* просто?

Конечно, она разбила сердце Павлика – или не сердце, а честолюбивые планы.

Ничего, веничком сметет осколки в совок, разложит в нужном порядке и склеит «Моментом». И жизнь заблистает новыми красками – только уже *без* нее.

Да, Зоя было жаль Павлика, и поступила она с ним некрасиво, но разве она могла что-то поделать? Да и девушкой Павлика она никогда не была, и он это прекрасно знал.

Она нашла свою любовь, и Павлик сделает то же самое.

Или *нет*?

Молодой же человек не унимался:

– Ну, рыбка моя, скажи же, прошу тебя, что-нибудь! Не молчи! Не может же быть, что ты ничего не хочешь мне сказать!

Зоя поняла, что спрашивать у Павлика номер мобильного Антона было бы верхом цинизма. Ничего, узнает как-нибудь иначе.

Да и Антон в курсе, где она живет. А ей известна его фамилия: Кравцов. Город у них не такой уж и большой, хоть и областной центр: *отъищет*.

– Ну, рыбка, неужели ты ничего не желаешь мне сказать?

В глазах Павлика светилась надежда, и Зоя, вздохнув, глотнула из чашки остывшего несладкого чая. За окном уже окончательно рассвело. Начинался новый день.

Первый день ее *новой* жизни.

– Не называй меня больше «рыбка моя», хорошо?

Антон сам нашел ее – Зоя как раз возилась на кухне, по-прежнему не чувствуя усталости: Павлика она в итоге выпроводила, заверив его, что они останутся друзьями, – и самое смешное, что они и были друзьями, ничего более!

Отец, выйдя из своей комнаты, даже не пожелал ей доброго утра, решив, вероятно, игнорировать дочь-предательницу.

Интересно, что ранило его больше: ее расставание с Павликом или то, что она отказалась посвящать себя медицинской стезе?

Сама же Зоя вела себя как ни в чем не бывало: мило приветствовала отца, сказала ему, что приготовила сырники с большим количеством специй (отец так любил, жалуясь, что иначе ничего не чувствует и словно картон жуёт), и оставила его одного на кухне готовить себе кофе (делал он это всегда сам). Уже из коридора увидела, как отец, поколебавшись, все же взял один сырник, а потом и второй.

У девушки отлегло от сердца. Ну да, папа будет сердиться и пенять ей, вероятно, до конца жизни. Ну ничего, в итоге ему придется смириться с тем, что медиком она не станет. Не она первая из медицинской династии, кто решил идти своим путем, не она последняя.

А вот как быть с Антоном?

Едва она о нем подумала, как в дверь постучали. Вот именно, не позвонили, а *постучали*. Зоя, сразу сообразив, кто это, осторожно, стараясь не шуметь, отомкнула дверь и увидела на пороге улыбающегося очаровательного шаромыжника.

Ее очаровательного шаромыжника.

– Доброе утро, – прошептала она, – мне нужно полчаса, подождешь на улице? Извини, пустить к себе не могу, у нас тут несколько напряженная обстановка...

Но тут за ее спиной возник отец, жующий сырник. Узрев молодого человека и едва не поперхнувшись, Игорь Борисович заявил:

– Полагаю, вы и есть этот самый... Артем!

– *Антон*, папа, – произнесла как можно нейтральнее Зоя, отмечая, как обычно самоуверенный молодой человек растерялся. – Антон Кравцов.

Отец, мрачно дожевывая сырник, смотрел на стоящего на пороге Антона, а потом произнес:

– И вы у меня сдавали экзамен, и я даже поставил вам «тройку»? По хирургии?

Антон кивнул и сказал:

– Да, шесть лет назад...

Шесть лет назад – тем летом, когда мама нырнула и *не* вынырнула.

Профессор, продолжая сосредоточенно жевать, произнес:

– Ну-с, если уж заявились, то проходите.

Радуюсь предложению отца, Зоя пропустила молодого человека в коридор и сказала:

– Есть сырники, правда со специями, как папа любит, могу предложить чай. А папа готовит потрясающий кофе. Вот, кухня у нас здесь...

Но отец, кивая в сторону своего кабинета, заявил:

– Шесть лет, конечно, срок большой, но если я поставил вам «тройку», то, стало быть, вы что-то знали. Так что проверим ваши остаточные знания, Артем...

Зоя шокированно заявила:

– Папа, ты не можешь устраивать Антону спонтанный экзамен по хирургии! Ты же сам понимаешь, что он не в состоянии сдать его и...

Очаровательный шаромыжник, мягко усмехнувшись, подошел к Зое, поцеловал ее на глазах отца в щеку и ответил:

– Думаю, Игорь Борисович имеет полное право устроить избраннику своей любимой дочери *самый* строгий экзамен.

И шепнул на ухо:

– Доверься мне, я с этим справлюсь. Я и не из таких ситуаций выкручивался.

И снова поцеловал ее.

– Ну-с, прежде чем вы облобызаете мою, как вы верно заметили, *любимую* дочку в третий раз, прошу пройти со мной в кабинет. Экзамен, обещаю, будет не такой уж и строгий, я же не зверь, в конце концов!

Тон, которым отец произнес это, не предвещал *ничего хорошего*.

Зоя взволнованно затараторила:

– Может, вам все же кофе сделать? Или хотя бы чаю? Или сырники принести?

Отец, закрывая за собой дверь кабинета, произнес:

– Ничего не надо. Как и жизненно важную процедуру колоноскопии, этот экзамен мы произведем натошак. Хотя можешь держать наготове валерьянку.

Это он так шутил.

– И не думай подслушивать под дверью, дочка!

Беседовали они больше часа, и все это время Зоя, придерживаясь указаний отца, не рискнула подслушать под дверью, сидела на кухне и в волнении слопала все приготовленные ею пикантные отцовские сырники: все оставшиеся девять штук.

Господи, ну почему *так* долго? То, что не было слышно ни криков, ни ругани, ни грохота сдвигаемой во время драки мебели, было безусловно хорошим знаком.

Но от тишины в кабинете отца мурашки шли по коже – от *гробовой* тишины.

Зоя снова вспомнила маму.

Набравшись смелости, она все же приблизилась к двери рабочего кабинета отца – и в этот момент она распахнулась, и на пороге появился Игорь Борисович.

– Так-так, дочка, – протянул он, хмурясь, – я же сказал тебе, подслушивать под дверью плохо.

И добавил:

– Ну что, валерьянка под рукой?

Сердце у Зои оборвалось. Ну да, конечно, отец-профессор разделал под орех Антона. Ничем хорошим все это обернуться не могло...

В этот момент из-за спины отца она увидела сияющую физиономию молодого человека, который *ну никак* не походил на того, которого только что разделали под орех. От сердца у Зои отлегло, а отец произнес:

– Ну что, а теперь самое время пить кофе. Кстати, и позавтракать неплохо. Так что ты там говорила насчет моих любимых сырников со специями, дочка?

Сырников, конечно же, больше не было, ведь она все их слопала.

Потом, уже гуляя с Антоном по парку, расположенному около дома, Зоя узнала от молодого человека, что тот с честью выдержал выпавшее на его долю испытание.

– Ну, вопросы он задавал, конечно же, будь здоров, хорошо, что у меня память хорошая, сумел выкрутиться. Ну а там, где не сумел, пришлось импровизировать!

– Это ты в анатомии импровизировал? – спросила, смеясь, Зоя, и Антон, поцеловав ее на глазах у всех, ответил:

– Ну, старик не только по анатомии вопросы задавал. Ой, извини, я хотел сказать, твой *отец* Игорь Борисович!

А затем, посерьезнев, произнес:

– Значит, твое решение уйти из меда уже принято и изменить его ничто не может?

Зоя, тряхнув волосами, заявила:

– Он что, подговорил тебя завести со мной разговор на эту тему? А ведь я думал, что ты поймешь меня, ты ведь сам из меда ушел!

Антон улыбнулся.

– Ну, он в самом деле на что-то подобное намекал. А если быть честным, даже прямым текстом сказал, что если я сумею убедить тебя продолжать обучение в меде, то тогда он сам нас благословит на совместную жизнь!

Зоя в волнении воскликнула:

– И что ты ответил? Только не говори, что согласился и принял его условия?

Молодой человек улыбнулся еще шире.

– Я ему ответил, что не против, чтобы он нас благословил, но ничего такого делать не буду.

Зоя, испытывая еще большее волнение, продолжила:

– Но я ведь его знаю, вряд ли он этим удовлетворился...

Антон, державший девушку за руку, поднес ее ладонь к лицу и нежно поцеловал.

– Ну, он ведь такой же упрямый, как и ты. Теперь мне понятно, в кого ты пошла. Нет, конечно, он этим *не* удовлетворился. Даже предложил заключить своего рода сделку, рассказывал, какая ты умница и отличница, мол, если бросишь медицину, это будет большая потеря!

Зоя нахмурилась, а молодой человек, прижав ее к себе, снова поцеловал.

– Ну, не сердись ты на него. Он поступает так, как на его месте поступил бы любой любящий родитель. Вероятно, и ты, и я. Представь, что наша дочка огорошила бы нас подобной новостью, как бы мы поступили?

Их дочка? То есть дочка Антона и ее самой?

Зоя поняла, что *их* дочку она назовет, конечно же, в честь мамы.

Только вот о чем это она думает...

– И что ты ответил на предложение заключить сделку? Надеюсь, отказался?

Антон, снова поцеловав ее ладонь, ответил:

– Конечно же, *согласился*! Ну, не дергайся ты так. Потому что если бы я отказался, то ни к чему хорошему это не привело бы. Я ведь не взялся морально тебя обрабатывать, только обещал, что поговорю. Что я и делаю...

Девушка не смогла сдержать обиды:

– Я-то думала, что ты на моей стороне, а ты, оказывается, переметнулся на его! И не пытайся переубедить меня, я приняла это решение давно, точнее, для меня это было с самого начала понятно, просто я жутко боялась признаться отцу...

Молодой человек серьезно ответил:

– Я и не намерен пытаться переубеждать, потому что прекрасно тебя понимаю. Да, я обещал твоему отцу, что поговорю с тобой, но не уточнил, о чем. И если ты приняла решение уйти из меда, то так тому и быть. Я свою миссию выполнил и завел с тобой разговор. Кстати, давай зайдем вон в то кафе?

Больше к этой теме они не возвращались, да им, собственно, было не до того. Долгий летний день, который, казалось, тянулся бесконечно, вдруг закончился, и они снова оказались у подъезда дома Зои, только на этот раз *не* в три часа ночи.

Они долго целовались, и Антон, наконец, оторвавшись от ее губ, произнес:

– А давай завтра поедем за город? Там у моих знакомых дачка имеется, а у меня от нее есть ключ. Мы можем с ночевкой, если хочешь. Ты ведь хочешь с ночевкой?

Сердце у Зои забилося, и она кивнула. Ну конечно, ведь не могло же все ограничиться поцелуями, однако им пришлось именно что ограничиваться, потому что отец во время летних каникул почти все время был дома, работая над научными публикациями.

– Там отличный пруд имеется, с пляжем...

При слова «пляж» сердце Зои ухнуло куда-то вниз. Нет, только *не* это.

Пляж, с которого мама отправилась в воду, нырнув и *не* вынырнув.

Антон же, ничего не заметив, продолжил:

– Я бы даже автомобиль мог попробовать раздобыть, но поедем на автобусе, так даже интереснее. Ты ведь согласна? Это в районе Чертовой балки...

Чертовая балка располагалась под городом, к счастью, в совершенно ином направлении. Очень далеко от того места, где когда-то находилась их дача, та самая, у реки с пляжиком.

С тем пляжиком, на который они втроем душным августовским днем отправились после дня рождения отца...

– Или ты не хочешь? – произнес, наконец-то заметив смену ее настроения, Антон. – Я сказал что-то не то? Извини, если ляпнул какую-то глупость. Или ты не хочешь за город?

Нет, хотела, *очень* хотела.

Поцеловав молодого человека на прощание, Зоя заверила, что это совсем не так, и, условившись, что он зайдет за ней в половине десятого на следующее утро, они расстались.

Едва она подошла к подъезду, как сбоку, из глубокой тьмы, вынырнула сторбленная фигура, в которой Зоя узнала Павлика.

Павлика, о котором за эти упоительные, полные небывалого счастья часы она не подумала ни разу.

Интересно, он слышал, о чем они только что говорили? И, главное, видел, как они целовались под фонарем?

Судя по всему, *да*.

– Добрый вечер, рыбка моя! – произнес он трагическим шепотом. – Знаешь, как долго я тут околачиваюсь, ожидая твоего возвращения?

Чувствуя себя крайне неловко, более того, ощущая вину, Зоя сказала:

– Извини, что заставила тебя ждать, но мы с тобой, если уж на то пошло, о встрече не договаривались...

Звучало, конечно же, не самым приятным образом, но ведь так и было.

Павлик, как и все остальное, как и обучение в меде, остался в далеком прошлом.

Как и *смерть мамы?*

Ее незадачливый жених продолжил высокопарно:

– Рыбка моя, ты разбила мне сердце и, судя по всему, хочешь разбить мне и жизнь! О, если бы ты знала, как мне тяжело!

Наверное, он даже ничего не сочинял и не утрировал, Павлику действительно было тяжело, но что она могла поделать?

Вернуться к нему?

Он явно ожидал, что Зоя пригласит его к себе в квартиру, но этого она не желала. Потому что тогда Павлика с кухни не выковырять.

– Извини, что так вышло...

Зоя имела в виду не то, что ему пришлось так долго ждать ее, а то, что она бросила его.

Хотя можно ли за это извиняться – и могла ли она рассчитывать на то, что Павлик эти извинения примет?

Вероятно, *нет*.

– Он теперь тебя за город приглашает, в Чертову балку! – продолжил Павлик. – Он туда все свои трофеи свозит, чтобы потом оттрахать!

Вздохнув, Зоя произнесла:

– Ты что, снова выпил? Не стоит тебе...

Молодой человек, заплакав, попытался прижаться к ней, и Зоя даже позволила ему сделать это. По-матерински поглаживая его по растрепанной голове, она слушала его причитания:

– Не пара он тебе, рыбка моя, не пара! Не сделает он тебя счастливой. Как никого не сделал. Ну, проведете вместе несколько счастливых дней, потрахаетесь, а потом все закончится. Нет в нем постоянства, в отличие от меня!

Отодвинув хнычущего Павлика в сторону, девушка произнесла:

– Спасибо за твое компетентное мнение, но разреши мне самой решать, как поступать. Я уже совершеннолетняя.

– И это же он надоумил тебя мед бросить, ведь так? Он сам бросил и хочет, чтобы и ты так же поступила! Вот видишь, как он дурно на тебя влияет...

Слушать эти причитания было выше сил Зои, и она ответила:

– Решение уйти из меда я, к твоему сведению, приняла самостоятельно и уже давно. И никто к нему меня не склонял, а, наоборот, все пытались отговорить, в том числе и твой троюродный брат...

Павлик заявил:

– Никакой он мне больше не троюродный брат! *Чтоб он сдох!*

Зоя, развернувшись, подошла к подъездной двери.

– Рыбка моя, извини, просто вырвалось! Ну зачем он тебе? Понимаю, с ним приятно, он такой очаровательный, этот шаромыжник! До добра это все не доведет, уж поверь мне. Потому что нужен тебе такой, как я!

Открывая дверь, Зоя ответила:

– Поверь, я сама знаю, кто мне нужен. И также я знаю, что никакое счастье не длится вечно. И надо им пользоваться, пока оно у тебя есть. И наслаждаться им. Иначе все может очень быстро завершиться.

Она снова подумала о маме, поймав себя на мысли, что пока была вместе с Антоном, о произошедшей трагедии не вспоминала, хотя обычно делала это много раз в течение дня.

Павлик продолжал что-то бубнить, однако Зоя, не слушая его, закрыла дверь перед самым его носом.

А затем быстро взбежала по лестнице наверх и, оказавшись в квартире, произнесла:

– Добрый вечер, папа. Не мог бы ты взять Павлика на себя, потому что он сейчас сюда зайвится? Говорить с ним выше моих сил.

В дверь квартиры резко позвонили.

Дачный автобус (автомобиль заполучить так и не удалось), который, тарахтя, вез их в направлении Чертовой балки, был наполовину пуст: все те, кто желал поработать во саду ли, в огороде, отправился туда намного раньше. Восседа на заднем сиденье, Антон и Зоя, не замечая ничего и никого вокруг себя, ворковали и целовались. Они даже не услышали, как объявили конечную.

А потом они наперегонки отправились в эту самую Чертову балку, где, хохоча, сновали по редкому лесу, все время продолжая целоваться. Наконец, они вышли к озеру, на берегу которого было достаточно большое количество загорающих.

Зоя резко остановилась, потому что на нее нахлынули жуткие воспоминания. Нет, местное небольшое озеро никак не походило на реку, в которую мама нырнула и не вынырнула, но все же...

Но все же с тех пор она не купалась ни в одном открытом водоеме.

Антон, заметив ее колебания, произнес:

– Все точно в порядке?

Непроизвольно взяв молодого человека за руку, Зоя ответила:

– С тобой да. С тобой, Антоша, всегда все в порядке!

Она назвала его *Антошей*?

И все же она долгое время опасалась заходить в озеро, словно зачарованная, глядя в его зеленоватые – *как и тогда!* – воды. Зоя пробовала ногой воду, чувствуя, как на пальцы накатывают ленивые теплые волны и наблюдая за Антоном, который рассекал озеро уверенными, быстрыми движениями.

– Ну что же ты, не хочешь? Тут так приятно! – сказал он, подплывая к ней и вдруг обрушивая на нее каскад брызг.

Оказавшись с головы до ног мокрой, Зоя решилась и зашла в воду, которая по температуре была как парное молоко.

Сердце у нее билось все сильнее.

– Ну, поплыли вон к тому островку? – Антон кивнул на заросший соснами крошечный участок суши посреди озера. – Давай кто быстрее!

И, не дожидаясь ее ответа, он ушел с головой под воду.

Шла секунда, вторая, третья, а молодой человек все не всплывал. Зоя, твердо стоя на бархатистом илистом дне, с ужасом вдруг осознала, что ее трясет – правда, не от холода в этот жаркий солнечный летний день, а от ужаса.

Потому что если он немедленно не всплывает, то она закричит.

Черноволосая голова Антона, разрезая гладь озера, появилась на поверхности, и он уверенными движениями поплыл к островку.

Обернувшись и заметив, что Зоя все еще стоит по грудь в воде, он крикнул:

– Ну что же ты? Или думаешь, что не сумеешь меня догнать? Конечно же, догонишь!

Решившись, Зоя осторожно погрузилась в воду по шею, не рискуя, однако, нырять. Все, что угодно, только не это.

Не это.

Она осторожно, словно не в воде, а в расплавленном хрустале, подплыла к лежавшему на спине Антону. Тот, перевернувшись, улыбнулся и схватил ее под водой за руку.

Зоя отчаянно закричала, да так, что на ее вопль обернулись прочие купающиеся.

Дернувшись, Антон произнес:

– Извини, не хотел тебя пугать. Извини меня, пожалуйста...

Понимая, что ведет себя неадекватно, Зоя ответила:

– Нет, это ты меня извини. Все в порядке, все в полном порядке...

Хотя все в порядке не было, потому что ей так хотелось выйти из воды. Пересилив себя, она заставила себя совершить противоположное – девушка размашистыми гребками направилась к островку. Оставляя Антона у себя за спиной.

– Вот ведь не догонишь! – крикнула она, обернулась – и увидела, что Антона рядом нет. Запаниковав, Зоя замахала руками. Куда же он делся?

Нырнул и не вынырнул?

В этот момент, фыркая, молодой человек, подобно юному киту, всплыл рядом с ней и, умудрившись чмокнуть девушку в щеку, произнес:

– Вот ведь догнал! Ну что, теперь наперегонки?

Первым к островку приплыл, конечно же, он, но и Зоя, заставив себя *не* думать о плохом, безвозвратно оставшемся в прошлом, почти нагнала его.

Они оплывали островок с соснами вокруг и оказались с его обратной стороны – и у Зои на мгновение перехватило дыхание.

Там имелся пляжик, точно такой же, с которого мама тогда отправилась в реку.

Чтобы нырнуть и не вынырнуть.

Ну, вероятно, пляжик был все же другой, и это просто ее воображение заставило его представить точно таким же, как и тот, на реке в дачном массиве, но одной мысли об этом хватило, чтобы снова запаниковать.

– Айда туда! Полежим на солнышке, на песочке...

Антон через несколько мгновений уже был на пляжике. Выходя из воды, крикнул, махнув рукой Зое:

– Тут хорошо, правда, комаров до ужаса! Ух, они из леска летят. Понятно, почему тут никого нет. Ух, ух, ух...

И он снова бросился в воду, уйдя в нее с головой.

Секунда, вторая, третья, четвертая, *пятая*. Зоя в ужасе закричала во весь голос:

– Антоша!

Молодой человек всплыл около нее и, отряхиваясь, заявил:

– Нет, не получится у нас целоваться на уединенном пляже, там комары да мошки, причем просто в невероятных количествах. Ну что, поплывем теперь обратно?

На этот раз первой к берегу пришла Зоя. Стремглав выбежав из воды, она бросилась на песок, повернувшись так, чтобы озера видно не было.

Антон, с которого стекала вода, лег рядом с ней и влажными губами поцеловал ее.

– Согласись же, что просто великолепно? Это лучший день в моей жизни...

Если бы не озеро и не вода, то и *ее* тоже.

Однако поцелуи с Антоном позволили ей забыть о терзавших ее страхах, и, наконец, высохнув и собравшись, испытывая легкое чувство голода, молодые люди отправились с озера прочь.

Перекусив в шашлычной, расположенной неподалеку, они немного побродили по Чертовой балке, а потом Антон, привлекая к себе Зою, произнес:

– Ну что, зайдём на дачу?

На его лице сияла улыбка, и Зоя понимала, что на даче они явно не грядки будут пропалывать и не деревья окучивать.

А займутся любовью.

Но к этому она не просто была готова – она сама жаждала этого.

Заняться любовью с человеком, который за эти дни стал для нее важнее всего на свете.

Поплутав по дачному кооперативу, они вышли наконец на нужную улицу – Ромашковую. Антон все всматривался в дома, пытаясь понять, какой им нужен. Зоя же была крайне рада,

что он не привел ее к нужному домику быстро и уверенно, ведь это означало бы, что там он бывал *регулярно*.

Причем каждый раз со своими *новыми* трофеями.

Именно в этом пытался убедить ее Павлик. А выходило, Антон и сам не был в курсе, какой точно дом ему требовался.

Вертя ключ с биркой, он произнес:

– Посмотри, это тринадцать или восемнадцать? Или вообще девятнадцать?

В девятнадцатом доме их встретила злющая крошечная собачка, в восемнадцатом, под большими фруктовыми деревьями, были расставлены столы и шло веселое застолье.

Остался только тринадцатый.

Подойдя к зеленой калитке, Антон произнес:

– Ну да, это должно быть здесь. Я тут всего один раз был, да и то уже давно...

Зоя напряглась. Значит, *все же* был.

– Помогал тогда мебель перевозить. Ну да, точно, помню эту красную крышу...

Он открыл калитку и пропустил вперед Зою. Они прошли к небольшому, но уютному двухэтажному домику с красной крышей и, едва оказавшись внутри, принялись дико целоваться.

А потом буквально упали на диван, стоящий там же, на первом этаже. Они забыли обо всем, что происходило вокруг них, если вообще происходило. Наконец, молодой человек прошептал:

– Если ты не хочешь, если для тебя все идет слишком быстро...

Требовательным жестом привлекая его к себе, Зоя закрыла его рот поцелуем.

Абсолютно нагие, они любили друг друга прямо там, на диване чужой дачи, даже не прикрыв входную дверь. Зоя поняла – да, Антон был прав, это самый лучший день не только в его, но и в ее жизни.

Остановись, мгновенье!

Внезапно тишину, наполненную только тяжелым дыханием, сладкими стонами и звуками поцелуев, пререзал громкий автомобильный гудок. Потом еще один и еще.

Приподняв голову, Антон произнес:

– И кто там только сигналит, честное слово! Выезд кто-то, что ли, заблокировал? Никакого автомобиля ведь на улице, когда мы шли, не было...

И снова погрузился в негу любви.

Сигналы автомобильного клаксона повторились, сливаясь в неприятное гудение. Антон, поцеловав Зою, поднялся и подошел к окну, осторожно отодвинул в сторону занавеску в ромашках.

Не случайно же улица *Ромашковая*.

– Ну, не надо, не отвлекайся, возвращайся ко мне... – произнесла Зоя, любясь своим нагим любовником со спины – тут Микеланджело с Донателло уж обзавидовались бы.

Неприятный звук снаружи не смолкал, и при таком аккомпанементе любить друг друга было действительно невозможно.

– Ну что там такое? – спросила девушка, лениво поворачиваясь на бок. – Какие-то разборки местных жителей?

Наконец, протяжный гудок смолк, сменившись, однако, рядом коротких, призывных.

Антон, подойдя к дивану, поднял валявшиеся на полу джинсы и стал их натягивать.

Зоя, дотронувшись до руки молодого человека, произнесла:

– Оставь их в покое, они разуберутся. Лучше возвращайся ко мне...

Антон, застегивая джинсы, хмуро произнес:

– Кажется, джип, который стоит около калитки и сигналит, мне знаком. Причем очень даже хорошо знаком. Я сейчас вернусь!

Не надев майку, он исчез, и Зоя принялась ждать. Наконец, ей это надело, и так как Антон не возвращался, она, ступив босиком на дощатый пол, подошла к окну, приподняла занавеску – и увидела стоящего на улице Антона. Тот, жестикулируя, вел с кем-то беседу у массивного черного джипа.

Этим кем-то был *Павлик*.

Впопыхах натянув сарафан, девушка выскочила из дачного домика и босиком по дорожке выбежала к калитке.

– ...И ты мерзкий, гадкий уродец, который увел у меня любимую девушку, на которой я намеревался жениться и которая должна была стать матерью моих детей! – донесся до нее срывающийся от негодования голос Павлика.

Сам Павлик, всклокоченный, небритый, с красными глазами, стоял около джипа и отчитывал Антона, который, скрестив на груди руки и наклонив набок голову, слушал его с удивленным выражением лица, даже не пытаясь возражать.

Чувствуя, что ее охватывает злость, Зоя воскликнула:

– Странно, Павлик, что я об этом не знала! Ни о том, что ты намеревался на мне жениться, ни тем более что я должна была стать матерью твоих детей. Извини за праздное любопытство, но сколько беременностей ты для меня запланировал?

Павлик, повернув голову в ее сторону, заявил:

– Ах, понимаю, что помешал вашему траху! Ну да, мой братец полуголый, ты растрепанная. Что, голубки, я начал сигналить в самый ответственный момент?

Антон ничего не отвечал, а Зоя, выйдя через калитку на улицу, указала на открытую дверь джипа:

– Уезжай немедленно! И как ты только нас нашел?

Павлик злорадно усмехнулся.

– Ну, несложно было, я же тебе говорил, что мой братец возит сюда своих многочисленных девиц, чтобы смачно оттрахать. Ну и не только девиц, как я тебе уже говорил!

Зоя, подойдя к тому, кто запланировал ее в жены и матери своих детей, отвесила ему пощечину.

Павлик, лицо которого скривилось, вдруг заплакал. Навзрыд, как ребенок. Антон же, тяжело вздохнув, произнес:

– Поверь мне, я сюда приехал во второй раз, а в первый раз был, чтобы помочь перетаскивать мебель. И никаким сексом на дачах я не занимаюсь, ни со своими девицами, ни тем более *не* с девицами. Это все чрезвычайно пылкое воображение моего троюродного брата...

Павлик тонким, срывающимся голосом завопил:

– Все он врет, рыбка моя! Не на этой даче, так на соседней! Спроси любого и каждого, они тебе подтвердят, что у него в постели пребывала куча народу обоего полу!

Антон снова вздохнул.

– Кажется, ты пытаешься приписать мне свои собственные разнузданные сексуальные фантазии. Но Зоя права, тебе лучше немедленно уехать!

Павлик, напрочь игнорируя его, произнес, обращаясь к Зое, жалобным тоном:

– Мы можем поговорить с тобой без его участия? Обещаю тебе, что когда мы поговорим, я уеду и оставлю тебя в покое, раз и навсегда!

Зоя, взглянув на Антона, кивнула, и тот, опять вздохнув, на этот раз намеренно громко, отправился по дорожке к домику. Обернувшись, он произнес:

– Только не верь тому, что он будет тебе обо мне плести, это все вранье!

Зоя и не думала верить.

Павлик же, задыхаясь, произнес:

– Ничего не вранье! Это он такого благородного рыцаря из себя строит. А на самом деле поганый развратник. Наверняка еще и с кучей венерических заболеваний. Вы хоть предохраняетесь, надеюсь?

Зоя прервала его глупые излияния.

– Если ты желал говорить наедине со мной об этом, то считай, что мы поговорили. Ты можешь возвращаться в город и оставить нас в покое.

Павлик, заявив, что это не так, принялся повторять то, что она уже слышала. Что он ее так любит. Что Антон ей не пара. Что на него нельзя положиться.

А потом отчебучил следующее: бухнувшись на оба колена прямо на пыльную землю, он достал дрожащими руками из кармана коробочку и протянул ее Зое.

– Что это? – спросила она подозрительно, а молодой человек заявил:

– Прошу тебя стать моей женой! Это я сам выбирал, ты только взгляни, какой чудный камешек!

Не открывая коробочку, Зоя попыталась вернуть ее Павлику, но тот ни в какую не желал ее брать. Тогда девушка просто положила ее на сиденье автомобиля.

– Но почему ты не хочешь стать моей женой? – снова заканючил Павлик.

Зоя, понимая, что они ходят уже не по второму и даже не по третьему кругу, примирительным тоном сказала:

– Потому что не люблю тебя. А его люблю. Все очень просто, Павлик. Извини меня, если можешь. А если не можешь, то не извиняй. Но это ничего не изменит.

Тот, поднимаясь с колен, произнес дрогнувшим голосом:

– Точно не изменит?

Потрепав его по худому плечу, Зоя ответила:

– *Точно*. Так что возвращайся в город, забудь обо мне. Понимаю, не сразу получится, но рано или поздно... Забыть можно все, любую трагедию.

Она вновь подумала о маме, которая ныряла и не вынырнула.

Нет, наверное, все же *не* люблю.

Павлик, которого ей сделалось невыносимо жаль, сиротливо стоял у массивного джипа своего отца.

Зоя, стараясь говорить как можно мягче, словно с ребенком, продолжила:

– Ты найдешь себе другую. Она будет рада стать твоей женой и родить тебе столько детей, сколько ты хочешь. Ну, или сколько она хочет. Точнее, сколько вы оба хотите...

Выходило как-то коряво, даже насмешливо.

Павлик, на глазах которого блестели слезы, заявил:

– Значит, между нами ни при каких обстоятельствах ничего не возможно?

Зоя обреченно кивнула.

– Ну, ты и сам знаешь, что ничего-то и не было. Мы знаем друг друга с детства, но мы хорошие друзья, и речи никогда не велось о том, чтобы было что-то иное...

Павлик, залезая в автомобиль и отшвыривая на заднее сиденье коробочку с обручальным кольцом (а что там еще внутри могло быть?), злобно заявил:

– Для тебя, может, речи никогда не было, а для меня да. Я всегда любил тебя, а ты все эти годы этого не замечала, не хотела замечать, рыбка моя. Потому что тебе было так удобно – еще бы, такой полезный идиот, как я, всегда под рукой, можно смеяться над его чувствами, забавляясь на стороне. Не удивлюсь, если Антоха не первый хахаль, с которым ты на стороне трахаешься. Что, я ведь прав?

Комментировать эту ахинею Зоя не желала. Ей не было даже обидно, только смешно. Улыбаясь, она ответила:

– Думай, что хочешь. Фантазия у тебя, и в этом Антоша прав, разнузданная. Если я дарила тебе надежду, то извини, это не было намеренно. Все остальное – твои личные интерпретации наших неизменно платонических отношений.

Засопев, Павлик открыл бардачок и произнес:

– Значит, это твое последнее слово, рыбка моя? Ты отшвыриваешь меня, как грязную тряпку? Хотя в вашем случае, голубки, уместнее сказать: как *использованный презерватив!*

Не желая быть свидетелем этой затянувшейся мужской истерики, Зоя направилась по дорожке к дому, у порога которого ее ждал Антон.

– Ну, если так, то ничего мне больше не нужно! – раздался за спиной вопль Павлика. – И жизнь мне не нужна! Учти, в моем самоубийстве будешь виновата только ты, рыбка моя!

Не столько пораженная, сколько уверенная, что все это – часть дешевого фарса, Зоя обернулась, чтобы отпустить язвительный комментарий, – и онемела.

Потому что увидела восседающего за рулем Павлика, который приставил к своему виску небольшой пистолет, вероятно, только что извлеченный им из бардачка.

Остановившись как вкопанная, Зоя уставилась на Павлика и непроизвольно двинулась обратно к джипу.

На лице Павлика играла торжествующая горькая улыбка.

– Что, думаешь, я этого не сделаю? Конечно же, сделаю! И учти, это никакая не газовая зажигалка или незаряженный пугач. Он стреляет, причем на поражение. Потому что если ты не со мной, то не нужна мне такая жизнь!

Застыв около раскрытой двери джипа, Зоя прошептала:

– Прошу тебя, не надо! Оно этого не стоит...

Точнее, она *сама* этого не стоила.

Павлик же, чьи руки ходили ходуном, буквально визжал:

– Снесу себе башку, и ты будешь в ответе. Я на столе у себя в комнате уже оставил подробное письмо для родителей. И для прессы, к твоему сведению, тоже. Прошу винить в моей смерти Зою С. То есть тебя, рыбка моя, тебя, Зою Синицину!

Зоя была уже у самой двери джипа, когда у нее за спиной раздался тихий, но властный голос:

– Не надо, разреши мне с ним поговорить.

Это Антон, привлеченный воплями Павлика, снова вышел на улицу.

Павлик же завизжал:

– Ты, ублюдок, убирайся прочь!

Антон холодно заметил:

– Иначе что, снесешь себе голову? Ну, ты это и так собираешься сделать. А если собираешься, то делай!

Зоя закричала:

– Не говори так, прошу!

Павлик захохотал:

– Ну, вот видишь, с кем связалась? Он призывает меня выстрелить. Что за чудовище трахает тебя, рыбка моя!

Приблизившись к лобовому стеклу джипа, Антон спокойно произнес:

– Как тебя заводит говорить о том, кто кого трахает. Ну, или кого я трахаю. Я ведь знаю, что ты всегда мне завидовал. Потому что у меня было все то, чего у тебя никогда не имелось: физическая привлекательность, чувство юмора, масса поклонниц...

Зоя настойчиво повторила:

– Прошу тебя, не провоцируй его.

Что же делают в таких случаях? Позвонить в «Скорую»? В полицию? В телефон доверия для тех, кто намерен покончить с собой?

Но она специально не взяла с собой в поездку в Чертову балку мобильный. Антон, кстати, тоже.

– Ты врешь! – захныкал Павлик, а Антон, подходя к другой двери джипа, медленно открыл ее и сказал:

– Но это не беда. Если хочешь, я тебя всему научу. И у тебя тоже будет куча девчонок. Ну, или как у меня, та единственная, что значит для тебя все. Ведь ты *хочешь*?

Замерев, Зоя наблюдала за тем, как Антон протянул руку. Он же совсем не провоцирует Павлика, а пытается тому помочь.

– Ну а если так, то отдай пистолет. Я тебя потом всему научу...

Павлик, к большому облегчению Зои отведя пистолет от головы, спросил:

– А ты не врешь?

Антон качнул головой:

– Нет, не вру...

Тут Павлик быстро переложил пистолет в другую руку и приставил к противоположной стороне головы.

– А я вот *знаю*, что ты врешь! Потому что ты всегда врешь! Хотите просто, чтобы я оставил вас в покое и вы могли беспрепятственно продолжить свой трах. Не выйдет, голубки!

Его палец лег на курок, Зоя окаменела. Неужели ей придется стать свидетельницей *второй* смерти.

– Пашка, не дури. Я что, не знаю, что он не заряжен? Ты ведь уже однажды со своими родителями откалывал этот номер, якобы из пистолета отца стреляться надумал, потому что они у тебя диски с мужской порнухой под матрасом случайно нашли.

Зоя замерла – об этом вопиющем случае она понятия не имела. Ни о том, что Павлик уже пытался стреляться, ни о том, что у него имелись диски с мужской порнухой.

Но если это так, отчего же он цеплялся за нее, желая стать ее мужем и отцом их совместных детей?

Вероятно, именно *поэтому*.

– Что ты такое несешь? – выдохнул Павлик, и судя по тому, что он не орал и не визжал, все сказанное Антоном было сущей правдой.

Отведя пистолет в сторону, он заныл, обращаясь к Зое:

– Ничего такого не было, поверь мне, рыбка. Это все у него нашли, а не у меня!

Антон усмехнулся, и Зоя заметила, что он уже уселся на сиденье рядом с водительским, и это не вызвало реакции со стороны явно опарашенного Павлика.

– Ну, пусть у меня, если тебе так жить проще. Только вот отдай пистолет...

Павлик, поняв, что троюродный брат уже вплотную рядом с ним, заорал:

– Не отдам! И вообще, рыбка моя, он это все выдумал, чтобы меня опорочить. Не верь ему, не верь...

Он снова поднес к голове пистолет, точнее, попытался, потому что Антон молниеносно выхватил его. Завязалась короткая потасовка, Зоя бросилась на помощь, хотя понятия не имела, как и кому помогать.

– Рыбка моя, он все врет! Не верь ему, прошу!

– Павлуха, не дури! Отдай пистолет! Он ведь тогда у тебя, когда ты перед несчастными своими родителями разыгрывал свою драму, заряжен не был.

Грохотнул выстрел.

Зоя, еще не до конца осознав, что произошло, в ужасе застыла. А когда пришла в себя, увидела, как подвывающий Павлик, держась за свою правую руку, из которой текла кровь, повалился на сиденье в странных конвульсиях.

Антон, в руках которого был пистолет, выскочил из салона джипа и выбил на дорогу обойму.

– Надо же, заряжен... – произнес он изумленно.

Павлик, перестав издавать странные звуки, заявил:

– Ну конечно, заряжен...

Зоя бросилась к Павлику, желая одного: помочь ему. Слава богу, все позади, оружия больше у него в руках не было.

– Ты ранен? Куда? Покажи немедленно рану!

Склонившись над пыльной землей, Антон изучил обойму и вынес вердикт:

– Заряжен, но холостыми! Да, так и есть!

Павлик завизжал:

– А что, думаешь, мне надо было в самом деле башку себе сносить боевыми? Да, холостыми, но ими тоже можно убиться! Вот, смотри, ты мне руку повредил, урод!

И ткнул своей кровоточащей кистью в лицо Зои.

Та, исследовав ее, быстро убедилась в том, что рана хоть и обильно кровоточит, однако она поверхностная и для жизни ничуть не опасна.

– Где у тебя аптечка? – спросила она Павлика, и тот, полулежа на сиденье, ответил:

– В багажнике. Ты ведь мне поможешь, рыбка моя, не бросишь на произвол судьбы?

Антон, забрав обойму, швырнул пистолет на заднее сиденье.

– Пора взрослеть, Пашка. Два раза применять один и тот же мелодраматический трюк – это слишком.

Зоя, обрабатывая тем временем рану на руке Павлика, прикрикнула на Антона:

– Все хорошо, что хорошо закончилось!

Павлик же, давя авторитетом аспиранта медицинского вуза, требовательно отдавал распоряжения:

– Да, а теперь пластырь, вот так. И перебинтуй!

Антон саркастически заметил:

– А к хирургу, случаем, не надо? Хотя тебе, братец, лучше на прием к психиатру записаться. И вообще, нечего сходить с ума из-за того, что прячешь у себя под кроватью диски с мужской порнухой...

Павлик закричал:

– Рыбка моя, это он все сочинил про меня, не было такого!

Антон поднял бровь.

– Клянешься, что *не* было?

Павлик смолк, тяжело дыша, и Зоя, которой было решительно наплевать, было или не было, осторожно перебинтовала ему кисть, хотя это, с учетом маленькой раны, был явный перебор, а потом потребовала:

– Перестаньте собачиться. Было или не было, не все ли равно. Мы о том, что произошло здесь сегодня, никому не скажем, ведь так?

Антон усмехнулся и посмотрел по сторонам.

– Тут на улице стреляют, а людям хоть бы хны. Никто даже и выйти не подумал.

Зоя заявила:

– Наверняка не поняли, что это выстрел. Вряд ли тут штаб-квартира какой-либо ОПГ.

Тут из-за угла появился встревоженный пожилой сосед в соломенной шляпе, с маленькой тяткой в руке.

– Вы тоже слышали, выстрел, что ли, был? – произнес он. – Я вот думаю, вызывать полицию или нет.

Антон хмыкнул, а Зоя, подойдя к соседу, как можно более миролюбиво произнесла:

– Да нет, это что-то в карбюраторе пальнуло. Мы аж сами испугались. Но мы «аварийку» уже вызвали, вы не беспокойтесь.

Сосед, облегченно вздохнув, был вполне удовлетворен объяснениями.

– Вы никуда не звонили? – осторожно поинтересовался Павлик, и сосед, заверив, что не звонил и не будет, удалился.

Антон с улыбкой заметил:

– Ну, ты и выдумщица! *В карбюраторе пальнуло!* И ведь поверил!

Павлик заявил:

– А что тебе не нравится? Старик отвалил, проблем не будет!

Антон же продолжал:

– Может, все же вызвать полицию? А то стреляли, и это никому не интересно. А вызывать надо было не «аварийку», а бригаду санитаров из пятой.

Пятая – это была городская больница номер пять, известная всем и каждому психиатрическая клиника.

Павлик захныкал, а Зоя, подойдя к Антону и уведя его в сторону, отчитала парня вполголоса.

– Ему тяжело.

– Потому что не довел до завершения свои суицидальные планы? Извини, но он с самого начала не намеревался умирать, иначе не притащил бы с собой этот безвредный пугач.

Зоя не сомневалась, что это было именно так, но не считала случившееся поводом, чтобы теперь шпынять Павлика.

– Он же твой троюродный брат, неужели тебе его не жаль?

Вздохнув, Антон подтвердил, что *жаль*.

– Но это не значит, что он имеет право устраивать такие представления. И поверь, я правду сказал о том, что он уже однажды так своих родителей пугал. У нас в семье не все об этом инциденте знают. В особенности о дисках с мужиками, которые стали причиной!

Дернув молодого человека за локоть, Зоя произнесла:

– Не подзуживай его и не напоминай ему об этом. Хорошо? Ты ведь не будешь этого делать, если я прошу?

Антон, улыбнувшись, ответил:

– Если ты просишь, то не буду. Мне его жаль, но он *так мне надоел!*

И поцеловал Зою на глазах Павлика.

Та хоть и сопротивлялась, но только по той причине, что это могло спровоцировать новый приступ истерики у водителя джипа.

Павлик действительно быстро подал голос:

– Думаете, мне приятно смотреть на эти телячьи нежности?

Антон, оторвавшись от губ Зои, ответил:

– А ты и не смотри. Просто закрой глаза, и все тут.

Нежно отстранив своего любимого, Зоя вернулась к Павлику. Тот уже вовсю ковырялся в мобильном, кажется, даже забыв, что всего несколько минут назад грозил лишить себя жизни.

Из пугача.

– Болит? – спросила Зоя, и Павлик, отбросив мобильный, скривился.

– А ты сама как думаешь?

Присоединившись к ним, Антон сказал:

– Я вот думаю, что нет. Ну что, Павлуха, пора тебе обратно в город. Мы никому ничего не скажем, это я тебе обещаю. Но и ты пообещай оставить нас в покое. Ну, бывай!

Павлик, потрясая забинтованной рукой, заявил:

– И как, по-твоему, я должен рулить в город? Это же *ты* виноват!

Антон захохотал.

– Ну да, ты стреляться надумал, а виноват я. Понимаю, увел у тебя девушку, твою будущую жену, мать твоих неродившихся детей и все такое. Только если ты хотел жениться на Зое, для чего, позволь полюбопытствовать, тебе диски с мужиками?

Павлик снова захныкал, а Зоя, не желая, чтобы перепалка между троюродными братьями снова возобновилась, сказала:

– Мы сейчас все поедem в город!

Антон возразил:

– Я думал, что мы останемся на ночь...

Зоя тоже так думала, но теперь планы изменились.

– На ночь? – захныкал Павлик. – Господи, чем вы там занимаетесь?

– Над рефератом работаем! – заявил Антон, которого решение Зои явно задело.

Та, подойдя к нему, произнесла:

– Ну, давай отвезем его в город и вернемся. Это же недолго, всего пару часов каких-то. А отпускать его одного нельзя, он со своей рукой еще в аварию попадет. Ты же не хочешь нести ответственность?

Молодой человек, лицо которого прояснилось, заявил:

– Отлично! И заодно деликатесы закупим!

Зоя добавила:

– Только у меня прав нет и водить я не умею. Надеюсь, что у тебя есть?

Антон усмехнулся.

– Есть. И даже с собой. Ну что же, прокатимся с ветерком в город и обратно. И заодно убедимся в том, что твой бывший кавалер точно находится под крылышком заботливой мамочки и не нагрянет сюда снова ближе к полуночи, чтобы подобно привидению из водевиля, потрясая цепями и подвывая, ходить вокруг да около дачи!

Зоя поцеловала Антона – быстро и в щечку. Тому явно хотелось большего, но девушка шепнула:

– Вот вернемся, тогда. И не целуй меня при Павлике...

– А что *еще* делать при нем нельзя?

Зоя, нежно потрепав любимого по щеке, сказала:

– Ну, потерпи немного. Мне тоже не нравится, но ведь он живой человек.

Антон, вздохнув, капитулировал, заметив однако:

– Ладно, сделаем все, как ты скажешь. Только вот человек ли мой троюродный братец, я не вполне уверен. Ну ладно, проехали и забыли. Значит, собираемся в город. Кстати, что из деликатесов нам надо будет купить?

Через двадцать минут, собравшись, они отчалили из Чертовой балки в город. Антон был за рулем, Зоя расположилась с ним рядом, а Павлик, на правах больного, находился на заднем сиденье. Пистолет, хоть и без обоймы, снова покоился в бардачке, как, впрочем, и коробочка, которую Павлик пытался всучить Зое. Та, пользуясь тем, что Павлик отправился в дом, дабы сходить в туалет, а Антон одевался, открыла ее, убедившись, что внутри находится массивное золотое кольцо с крупным белым камнем овальной огранки – неужели *бриллиантом*?

Если так, то стоило это колечко сумасшедших денег. Зое польстило, что Павлик был готов ради нее на все.

Ради нее – или ради своих фантазий и *страхов*?

Захлопнув коробочку, она положила ее к пистолету в бардачок и подвела итог: никакие бриллианты ей не нужны – свой, черноволосый и синеглазый, она *уже нашла*, и он как раз шествовал по дорожке из дачного домика к калитке.

Павлик был в возбужденном состоянии, он уже напрочь забыл о попытке самоубийства, которая таковой, впрочем, *не была*, и болтал обо всем на свете.

Не забывая при этом, однако, постоянно поддевать Антона, который сначала реагировал на его выпады, а потом, когда Зоя положила ему на колено руку, перестал.

– Вот, голубки, поедете обратно автобусом? С пакетами, забитыми снедью для вашей ночи, полной страсти и секса? Отец с маман в отпуске, так что могу предложить вам, голубки, взять на один день джип. На один день и одну *ночь*, что в вашем случае крайне важно, голубки. Тогда вы сможете загрузить с собой пуда четыре жратвы и девять или даже все четырнадцать коробок с презиками. Или думаете, что вам не хватит?

Он явно пытался вывести из равновесия их обоих, но это у него не получалось, и Павлик от этого форменно бесился.

Они уже подъезжали к городу, и Зоя предвкушала, как они высадят Павлика, а потом вернутся обратно в Чертову балку – конечно, на рейсовом автобусе или в крайнем случае на такси, а не на чужом джипе.

Вернутся, чтобы продолжить любить друг друга, в этом Павлик *абсолютно прав*: весь остаток дня, всю ночь и весь следующий день тоже.

Мимо них, сигнали и игнорируя все правила дорожного движения, пронеслась крутая красная иномарка. Еще немного, и она бы задела их, однако Антон вовремя сумел среагировать, ушел в сторону.

– Смотри, что ты делаешь! – воскликнул Павлик. – Это отцовский джип, если на нем хотя бы царапина появится, он меня убьет!

Антон ничего не ответил, а Зоя возразила:

– Но ты сам видел, что этот тип на красной иномарке лихачит! Антон совсем не виноват!

Но Павлик не желал ничего слышать и, отыскав себе козла отпущения, принялся бубнить, явно вымещая на троюродном брате свою обиду:

– Виноват не виноват, все равно надо смотреть в оба! Если водить не умеешь, то нечего за руль садиться!

– Это ты о типе на красной иномарке? – вежливо, но крайне холодно осведомился Антон. – Потому что если обо мне, то мы можем съехать на обочину и поменяться с тобой местами, Павлуха! И тогда ты сможешь нам продемонстрировать свои потрясающие навыки крайне внимательного водителя!

Меняться местами и усаживаться за руль отцовского джипа Павлик *явно* не намеревался, что, однако, не удержало его от очередного едкого замечания:

– Ну да, ну да, едва меня инвалидом не сделал, пытаюсь отобрать пистолет, а теперь еще и выкаблучивается! Какой ты у нас герой, Антоха!

Не желая слушать эту малоприятную болтовню, Зоя воскликнула:

– Павлик, ты можешь прекратить? Понимаю, тебе так и хочется задеть Антона, но ведь он ни в чем не виноват.

Но тот явно не намеревался сдавать позиции.

– Ну да, не виноват, а в итоге я остался без девушки! Он у нас никогда не виноват, всегда только другие. Да и ты, рыбка моя, тоже хороша! Знаешь, как мне тяжело?

Зоя ничего отвечать не стала, а Павлик, которому так хотелось излить душу, продолжил костерить их обоих, сетуя на свою судьбу-злодейку.

Наконец, не выдержав, Антон заявил:

– Нет, сейчас мы точно поменяемся местами! И повезешь нас ты!

– Какой ты, братец, умный! Ну, прямо Эйнштейн! Превратил меня в калеку и еще издевается. Не сомневаюсь, что ты был бы только рад, если бы в пистолете были настоящие патроны и я бы снес себе башку.

Зоя шокированно воскликнула:

– Как ты можешь говорить подобное?

– Могу, потому что вы вдвоем обманули меня, рыбка моя! Ты и твой Антоха. И не пытайся выгородить его. И вообще, рыбка моя, во всем виновата именно ты.

Зоя понимала, что он в чем-то прав, однако что можно было возразить на подобное?

– С меня достаточно, – заявил Антон, явно рассердившись, – сейчас вон на ту заправку заедем, там местами поменяемся. И вообще, можешь добираться до города сам! Я что тебе, персональный водитель?

– Не водитель, Антоша, а *уводитель*, который увел мою девушку!

– Ну да, и это говорит тип, который прятал в своей комнате диски с голыми мужиками.

– Давай, давай, тыкай меня в это носом. И вообще, это не я прятал, а ты.

– Ты просто трус, Павлуха!

– А ты у нас такой смелый! Притащился на вечеринку и разрушил всю мою жизнь, лишив меня будущего.

– Притащился, потому что ты сам и пригласил. Я вообще-то не собирался, но ты даже упрашивал.

– Врешь, Антоха, это ты сам, прознав про вечеринку, меня умолял, чтобы я тебя пригласил. Понимаю, с самого начала решил, что кого-нибудь там поймает и в постель к себе затащишь. И этим кем-то оказалась моя невеста!

– Зоя тебе невестой не была.

– А вот и была, Антоха! Конечно же, была!

– Даже если и была, то теперь она моя невеста! И мы скоро поженимся. Кстати, хочешь стать свидетелем в ЗАГСе со стороны жениха? Так и быть, я милостиво разрешу тебе им быть.

– Были бы руки сейчас свободны, я бы тебе по физиономии заехал, Антоха!

– Уже заезжал. Теперь моя очередь. Сейчас на заправку свернем, и там можем размять кулаки, Павлуха. И не думай, что я дам тебе спуска. Тебя давно надо проучить!

– Это тебя надо проучить, Антоха! Это так на тебя похоже – поднимать руку на того, кто слабее и беспомощнее тебя.

Не выдержав перепалки троюродных братьев, Зоя пронзительно закричала:

– Прекратите немедленно! Причем оба! Иначе на заправке вас обоих покину я! Отправлюсь в город пешком.

Павлик быстро вставил:

– Тогда я буду тебя сопровождать, рыбка моя.

Антон, обернувшись к нему, заявил, грозно сверкая синими глазами:

– Это я буду сопровождать ее, ты это понял? Это моя невеста!

– Да у тебя таких невест по десять в месяц, Антоха. Ну, и женихов тоже.

– Что ты сказал? Нет, что *ты* только что сказал? Ты сейчас за свои слова ответишь!

– *Прекратите!* – закричала снова Зоя, но молодые люди не обращали на нее ни малейшего внимания, предпочитая выяснять отношения между собой. Антон дал газу, меняя полосу, желая обогнать другие автомобили с явным намерением свернуть на заправку, до которой, судя по знакам, оставалось полтора километра, и молодые люди все еще собачились.

Зоя, понимая, что мира уже не будет, закрыла уши руками и уставилась вперед. *Поскорее бы все это закончилось!* Похоже, нормальных отношений между троюродными братьями уже никогда не будет. И выходит, что виновата в этом семейном разладе она?

Выходит, что *да*.

Оторвав руки от ушей, она слышала их громкие голоса:

– ...И вообще, хочется набить твою лощеную морду, Антоха!

– Хочется, но ручонки-то явно коротки, Павлуха! Однако я предоставлю тебе такую возможность, только пощады не будет!

Девушка снова прижала ладони к ушам. Она бы все отдала, чтобы это прекратилось. Скорее бы оказаться на месте, *скорее бы...*

То, что произошло сразу после этого, навсегда врезалось в ее память. Казалось, это длилось долго-долго, но в действительности, вероятно, всего какую-то долю секунды. Антон, наращивая скорость с явным желанием наконец-то оказаться на заправке, чтобы выяснить отношения со своим троюродным братом, плавно выходил из долгого поворота. Молодые люди продолжали кричать друг на друга, и Антон, как обратила внимание Зоя, следил за дорогой только краем глаза, концентрируясь на перепалке с Павликом.

Вот и заправка. Однако они ее проскочили, потому что водитель отвлекся. Зоя перевела дух – ну что же, они вот-вот въедут в город, вон и бетонная стена с бронзовыми буквами показалась.

В этот момент все и произошло. Антон еще больше увеличил скорость, снова идя на обгон, и когда они обошли несколько автомобилей впереди них, Зоя в ужасе заметила знакомую красную иномарку. Помятая и явно только что угодившая в аварию, она перегородила дорогу. Приземистый лысый тип в черных очках, явно водитель этого красного транспортного средства, прямо на дороге выяснял отношения с сутулым пожилым усачом, которому, по всей вероятности, принадлежал искореженный внедорожник.

С удивлением наблюдая, как они мчатся прямо на два впечатавшихся друг в друга автомобиля, Зоя не сомневалась, что Антон сейчас затормозит, уйдет вправо, заметит опасность.

Но тот, отвлеченный конфликтом с Павликом, заметил *слишком поздно*.

Зоя, не отрывая от ушей ладони, которые внезапно вспотели, истошно закричала:

– Сворачивай! Иначе мы врежемся!

Антон в самый последний момент все же попытался уйти вправо, но было уже *слишком поздно*.

Она помнила вытаращенные глаза усача, отчаянно спорившего с приземистым типом в черных очках, который вдруг, как кузнечик, прыгнул в сторону. Зоя еще подумала, что же он делает.

А потом вдруг кто-то словно выключил свет.

...Зоя открыла глаза и подумала, что им удалось миновать опасность. Антон каким-то чудесным, небывалым способом сумел миновать внезапно возникшие на трассе препятствия, и столкновения не произошло.

Как же все-таки хорошо, что они не налетели на два покореженных автомобиля! Потому что если бы налетели, то ничего хорошего, естественно, не было бы.

Но Антону удалось избежать этого. И вообще, ничего бы не произошло, если бы он не спорил с Павликом, а он бы не спорил, если бы тот не восседал на заднем сиденье с забинтованной рукой после того, как заявился на дачу в Чертову балку, а он бы не заявился, если бы не узнал, что она отправилась туда, на чужую дачу, вместе с Антоном, а она бы не отправилась, зная, что там произойдет, если бы не влюбилась в Антона, а она бы не влюбилась, если бы Антон не появился на вечеринке своего троюродного брата, а он бы не появился, *если...*

Судя по всему, у каждого мелкого события была своя причина, но означало ли это, что, нарастая, словно снежный ком, они в итоге привели к событию крупному?

Внезапно почувствовав себя крайне уставшей, Зоя закрыла глаза. И вновь увидела то, чему стала свидетельницей на трассе: как усач отпрыгивает в сторону, а приземистый лысый, на лице которого застыла маска ужаса, пятится...

Но что же было дальше, *как* Антону удалось избежать неминуемого столкновения?

...Она снова открыла глаза, не понимая, сколько времени прошло после ее первого пробуждения: минута или день. Усталость никуда не исчезла, только усилилась. Но в голове было уже яснее. Девушка, уставившись вверх, подумала о том, что облако, которое она видит, уж очень большое и слишком белое.

Только было это не облако, а *потолок*.

Внезапно в голове что-то щелкнуло, и она поняла: нет, она сейчас не в джипе вместе с Антоном и Павликом, а где-то в совершенно ином месте.

Но *где*?

Она отвела взор и поняла, что находится в небольшой комнате с занавешенными окнами. *Как* она сюда попала?

И, главное, почему она этого *не помнит*?

Она попыталась подняться, но вдруг поняла, что не может. И что подключена к капельнице. И только потом до Зои дошло, что находится она, по всей видимости, в больничной палате.

Только что она тут делает? И, что важнее всего, *где* Антон?

Она была отчего-то убеждена, что он должен быть рядом, наверное, на соседней койке, но, странное дело, там его не было.

Но в том, что он где-то неподалеку, Зоя не сомневалась, более того, она была в этом уверена.

Надо только его *найти*.

Преодолевая небывалую слабость, она попыталась подняться с кровати. При этом опрокинула капельницу, на что ей было наплевать.

Совершенно наплевать.

Девушка вырвала провода, опутавшие ее тело, и опустила одну ногу на холодный пол.

Она должна найти Антона *прямо сейчас*. Они украли его и держат неизвестно где.

Пол был крайне холодный, жесткий и пах дыней. Нет, подождите, *как* пол мог пахнуть дыней? Наверное, какое-то особое моющее средство. Но какая ей разница, о чем она думает, ей надо найти Антона.

Но вторая нога упорно не желала опускаться на пол. Зоя, сползая с кровати, оказалась на полу и попыталась приподняться. Прозрачные трубки все еще мешали, но какая ей разница. И почему же так пахнет дыней, причем какой-то подгнившей, это было крайне неприятно. *Или кто-то спрятал эту самую дыню у нее под кроватью?* Ну да, принес в больницу в качестве гостинца и оставил в палате на подоконнике, а потом забыл – вот дыня и начала гнить.

В больницу? Но, стоп, как она вообще оказалась в больнице, она ведь была в джипе, за рулем которого находился Антон, а на заднем сиденье Павлик.

Это был вопрос, на который Зоя хотела получить ответ, причем он нужен был ей немедленно. До двери было метра три, однако подняться и пройти их она не могла, поэтому пришлось ползти. Трубки все еще мешали, но она не обращала на это внимания.

Дверь внезапно распахнулась, она заметила чьи-то ноги, услышала причитания. Кто-то бросился к ней, чужие руки дотронулись до нее.

Чувствуя, что она крайне устала, не преодолев и метра на холодном полу, Зоя ощутила, что из коридора накатила новая волна запаха гнилой дыни.

Она помнила, как ее подхватили и не слишком любезно уложили обратно на кровать, подключая к капельнице и приборам. А она силилась что-то сказать, но не могла, думая о том, что Антон должен находиться где-то неподалеку.

Зоя попыталась заговорить, но не вышло. Над ней склонилось чье-то расплывающееся лицо, обращаясь к ней со словами, которые девушка слышала, но не могла понять, словно говорили на тарабарском языке.

В ответ она только прокричала:

– Дыня! Заберите отсюда дыню! Она испортилась, она гниет...

И, словно сквозь туман, до нее донесся бесплотный голос:

– Что она прошептала? Вы поняли? Кажется, что-то о доле?

Да не о *доле*, а о *дыне*. И почему они решили, что она прошептала, если она кричала во все горло?

Она ощутила укол и почему-то подумала, что то, что ей вкололи, пахнет рыбой.

Рыбой? Но почему, собственно, рыбой? Причем вяленой.

А потом по телу, видимо под влиянием введенного ей медикамента, растеклась сладкая теплая нега, и Зоя ощутила, как ее глаза закрылись сами собой.

Так тянуло спать, что даже не хотелось теперь знать, *где же* Антон. Единственное, что ее все еще мучило, так это вопрос о дыне.

Почему они не забирали ее из палаты?

Потом последовала череда снов, которые, возможно, были не снами, а обрывками реальности. В голове все образы смешались в пестрый калейдоскоп. Зоя была уверена, что видела в этой кутерьме и отца, только вот что он тут делает?

Если бы ее спросили, что именно она видела, она бы не смогла дать толковый ответ. Интересно, что она смогла бы детально описать запах.

Это была дыня, все та же подгнившая дыня, которую они упорно не хотели убирать. Но почему?

Почему?

Ее словно кто-то за плечо тронул, желая разбудить, и Зоя снова открыла глаза. На этот раз все было иначе. Уставившись в потолок, она сразу поняла, что это не облака на небе. И усталости уже не было.

Повернув голову, она заметила человека в зеленом балахоне, который производил манипуляции с капельницей. Тот, посмотрев на нее, произнес:

– Как вы себя чувствуете?

Да, она в больнице, но как она сюда попала? Они же были втроем в джипе отца Павлика, а потом...

Да, собственно, а *что* было потом?

Запах дыни, уже превратившийся в некое подобие смога, пропитал всю палату. Терпеть это было невозможно.

– Уберите ее! – произнесла Зоя, и человек в балахоне, склонившись над ней, спросил:

– Нет, убрать капельницу пока что не получится. И вы не пытайтесь больше вставать, иначе все придется налаживать заново.

– Уберите дыню! – потребовала Зоя, и человек, наконец, сообразив, о чем она вела речь, ответил:

– Хотите дыню? Хорошо, я передам. Думаю, вам будет можно. Но сейчас я сообщу профессору, что вы пришли в себя. Точнее, вы все это время приходили в себя урывками, он даже с вами разговаривал, но вы этого не помните.

– Уберите дыню! Уберите! *Уберите...*

А потом появился отец – сосредоточенный, встревоженный, также облаченный в зеленый врачебный балахон. Зоя наблюдал за тем, как он взглянул на показания приборов, к которым

она была подключена, а потом уселся на стул около ее кровати. И, склонившись, поцеловал ее в лоб.

Внезапно девушка поняла – отец только что поел *этой самой гниловатой дыни!* Запах, исходящий от него, буквально пьянил ее, сшибал с ног, и если бы она так не лежала в кровати, то наверняка бы свалилась.

– Дочка, ну вот, ты теперь полностью пришла в себя. Ты ведь меня слышишь и видишь?

Говоря это, он профессиональными движениями проверял ее рефлексy, а Зоя все думала о том, что отец не просто откусал дыни, он буквально облил себя с головы до ног ее соком.

И дыня в самом деле была не свежая, ароматная, а явно лежалая, с гнильцой, такая, какую и есть-то точно нельзя. Но почему тогда отец решил ею перекусить? Разве он любил дыни? Вроде бы нет, был равнодушен к клубнике и тoрту «Наполеон», а также в последнее время приналег на специи и черный кофе, жалуясь, что еда безвкусная, но вот дыня *никогда* не входила в число его любимых кушаний.

Внезапно Зоя подумала, что перед тем, как отправиться тогда с отцом и мамой на дачный пляжик, они, давась, доедали дыню, оставшуюся после празднования дня рождения отца, – не пропадать же добру.

А потом мама нырнула в реку и *не* вынырнула.

Неужели из-за того, что она наелась дыни?

Хотя нет, это была не дыня, а *арбуз*. Ну да, гигантский, астраханский, такой сладкий, принесенный в качестве подарка одним из гостей. Когда его разрезали, брызнул сладкий сок, столь похожий на кровь.

Как походило на кровь и малиновое мороженое, упавшее на асфальт набережной во время ее прогулки с Антоном. Армада муравьев сразу же устремилаcь на это кровавое пятно.

Кляксу малинового мороженого.

А тогда на разрезанный арбуз сразу же слетелись осы. А они, смеясь, поглощали его, отмахиваясь от назойливых насекомых.

А потом втроем отправились на пляжик, где мама нырнула в реку и *не* вынырнула.

Но не из-за дыни, которая в действительности была арбузом.

А из-за лопнувшей под водой аневризмы.

Но почему тогда отец наелся дыни?

Она почувствовала, как он потрепал ее по руке после того, как измерил пульс, и что-то сказал. Смысл им сказанного девушка, в голове которой мысли еще путались, не поняла и спросила:

– Папа, а где Антон?

Отец ничего не ответил, хотя явно услышал ее вопрос. Может, она, уверенная, что говорит громко, опять шептала?

– Папа, а где Антон?

Появилась медсестра, и отец, забрав у нее пластмассовый стаканчик, поднес его к губам Зои.

– На-ка, лучше выпей. Это поможет тебе снова стать здоровой.

Послушно проглотив тягучую сладкую жидкость, походившую на приторный сироп, Зоя повторила в третий раз:

– Папа, а где Антон?

Ее практически сразу потянуло в сон, а отец, снова потрепав по руке, ответил:

– Ты отдыхай, это в твоей ситуации крайне важно.

В ее ситуации?

Она поняла, что он намеренно не хочет говорить, где Антон. Ничего, она еще узнает.

Странно, что этот вопрос отступил на второй план, потому что ее занимало одно – *отчего же от отца так пахло испорченной дыней?*

Когда дверь открылась в следующий раз, она уже знала, что это не отец. Потому что запах дыни, пропитавший больничную палату, никуда не делся, но с появлением отца он всегда усиливался.

Нет, это был Павлик, причем эта мысль вспыхнула в голове еще до того, как она увидела вошедшего в палату.

Павлик тоже был в зеленом балахоне и в несколько криво сидевшей на голове шапочке.

– Привет болящей! Ну, как дела, рыбка моя?

Он чмокнул ее в щеку, как будто все было в полном порядке.

Но все, как уже поняла Зоя, в порядке не было, уж точно не в *полном*. Хотя, если судить по Павлику, то с ним все хорошо, даже рука уже не забинтована.

– Рука прошла? – спросила Зоя, вдруг понимая, что Павлик пахнет...

Да, как же он пахнет? Это было сложно описать, и речь шла не о его одеколоне или креме для бритья.

Павлик пах Павликом. Да, это было самое простое объяснение, но в то же время самое нелепое.

Кем, *если не собой*, он должен был, собственно, пахнуть?

Зоя попыталась вспомнить, как пах Антон, но не смогла. И вдруг поняла, что не знает.

Да, просто не знает. Но отчего она тогда знала, что Павлик пах Павликом. А отец, как выходило, подгнившей дыней.

Наверное, потому что и отец, и Павлик уже бывали у нее в палате, когда она спала или пребывала в странном, дремотном состоянии. И даже не поняв или не запомнив, что они были в палате, она тем не менее уловила их запахи.

Выходит, что Антон ее не навещал?

– А где Антон? – произнесла девушка, и Павлик смешался. Его запах чуть изменился – вроде бы остался таким же, но в то же время... В то же время словно стал *другим*. И Зоя поняла: он боится. И ясно это стало не по выражению лица, которого она видеть не могла, поскольку Павлик, суетясь, повернулся к ней спиной, просматривая показания медицинских приборов, к которым она была подключена. Нет, она это ощутила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.